РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 11 НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 1995
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

МОСКВА *Институт философии РАН* «НАУКА»

СОДЕРЖАНИЕ

Философия образования: состояние, проблемы и перспективы (материалы заочного «круглого стола»). Приняли участие: В. С. Швырев, В. М. Розин, Ф. Т. Михайлов, Н. Г. Алексеев, И. В. Бестужев-Лада, А. П. Огурцов, В. В. Платонов, М. И. Фишер, С. А. Смирнов, Л. М. Зеленина, Л. М. Сидон, А. Г. Асмолов, В. А. Караковский, В. В. Краевский, И. Я. Лернер, В. И. Загвязинский, Г. Н. Филонов, В. И. Додонов, Е. Г. Осовский, Й. Я. Бойс, Т. Дж. Кинни 3

Философия науки

Н. В. Карлов — О фундаментальном и прикладном в науке и образовании, или «Не возводи дом свой на песке» 35
Ю. В. Сачков — Полифункциональность науки 47

Наши интервью

Интервью с М. Хагемайстером 58

Из истории отечественной философской мысли

Переписка А. В. Ветухова и П. А. Флоренского (1908—1918 гг.) 67

© Российская академия наук
Президиум, 1995 г.

Переписка А. В. Ветухова и П. А. Флоренского (1908—1918 гг.)

Предисловие

I

Из обширного наследия П. А. Флоренского менее всего известна и изучена эпистолярная его часть, а между тем она достаточно значительна и исключительно интересна. Письма по-своему раскрывают уникальность личности Флоренского, его поразительную масштабность. И каждый раз новые документы помогают увидеть наследие Флоренского с еще одной стороны.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает изучение той части эпистолярии, которая связана с малоизвестными и забытыми корреспондентами, поскольку в этих документах отец Павел зачастую раскрывается неожиданно и как — ученый-энциклопедист, и как человек, наделенный тонкой и отзывчивой душой. Одновременно с этим из забвения возникает, как правило, забытая судьба еще одного его современника.

Переписка дает возможность внести уточнения и поправки в ранее известные факты биографии или же освещает неизвестную страницу его жизни.

П. А. Флоренский справедливо считал, что в жизненных скрещениях разных судеб проявляются скрытые и символические знаки бытия, а в дружеских отношениях он видел одну из важнейших сторон формирования миро-восприятия и миро-воззрения любой человеческой личности. Именно письма делают эти «знаки» вполне зримыми; дружеские отношения, запечатленные в документах, привносят новые штрихи в портрет Флоренского. Не случайно Сергей Фудель отмечал, что «для понимания отца Павла знание его друзей — вопрос особенно важный». В этой связи небезынтересно признание самого Флоренского. Так, в августе 1913 года он написал Василию Розанову: «Единственный вид литературы, который я признавать стал,— это ПИСЬМА (знак П. Ф.— *С. Ш.*). Даже в дневнике автор принимает позу. Письмо же пишется столь спешно и в такой усталости, что не до поз. Это — единственно искренний вид писания». Этот фрагмент с подзаголовком «из частного письма» Василий Розанов вынес в качестве эпиграфа к книге «Литературные изгнанники», причем сделал это еще при жизни отца Павла.

II

Данная публикация подготовлена на базе неизвестных ранее текстов писем Павла Флоренского в адрес харьковского профессора Алексея Васильевича Ветухова (1869—1941 (3)), а также писем самого Ветухова.

Частично письма П. А. Флоренского были опубликованы в 1991 году (см. «Символ». Париж, 1991. Вып. 26. С. 285—291).

Тексты писем П. Флоренского хранятся в архиве А. В. Ветухова (ЦНБ ХГУ, г. Харьков), а черновые наброски, датированные 1912 годом, сохраняет семья Флоренского. Тексты писем А. В. Ветухова также сохраняются в семейном архиве Флоренских. Они публикуются впервые, по автографам.

Комплекс сохранившихся документов достаточно обширен и, тем не менее, представляет собой бóльшую часть, но надо полагать, все же не всю переписку, которая длилась с конца 1908 года и до осени 1918 года.

Проведенная реконструкция писем П. Флоренского на базе ответов его адресата убеждает в значительности утерянных документов. Ориентировочно в Харьков Флоренский отправил примерно 70—80 писем, но помимо этого им было подарено Ветухову более 20-ти его работ — начиная с брошюр и оттисков статей в журналах и кончая отзывами на студенческие сочинения, причем, как свидетельствует сам Ветухов, с «трогательными посвящениями» и «такими врывающимися в сердце надписями-письмами». Тем досадней лакуны — ведь удалось пока обнаружить всего две книги Флоренского с дарственными надписями в адрес его харьковского корреспондента.

Не сохранились и фотографии, которыми, судя по переписке, они обменялись в самом начале их знакомства.

Рассмотренные в едином контексте черновые наброски писем Павла Флоренского, датированные 1912 годом, обретают новое звучание и получают некоторое объяснение.

Не ясным остаются обстоятельства, при которых оборвался их письменный диалог. И означало ли это обрыв отношений осенью 1918 года.

Не исключено, что часть переписки могла погибнуть при 1-м аресте П. Флоренского в 1928 году. А еще в 1922 году подвергся аресту А. Ветухов, хотя вскоре и был отпущен по ходатайству научной общественности города. В связи с тем что ему было предложено выселение из Харькова, Ветуховым было написано прошение на имя Г. И. Петровского 1 декабря 1922 года. Читаем: «Согласно с личным Вашим приказанием 11 окт. с. г. я вопреки своему желанию подаю прилагаемое при этом — пять анкет, заполненных по Вашему указанию...». И далее: «Покидать Харьков, которому я отдал всю свою жизнь и деятельность, работая все время в области просвещения народа, я не желаю. Выезжать заграницу категорически не желаю. Когда мне при опросе по делу № 933, оставленному согласно с удостоверением ГПУ от 22 августа 1922 года «без последствия», предложено было выбирать несколько государств Западной Европы или Архангельск для жительства, я подал мотивированное заявление о высылке меня в Архангельск и ни в коем случае не заграницу» (ф. А. Ветухова. ЦНБ ХГУ).

Вряд ли к этому тексту что-либо нужно добавить, разве только напомнить о такой же, в сущности, позиции П. Флоренского.

Реконструкция несохранившихся писем П. А. Флоренского в Харьков позволяет сделать ряд немаловажных обобщений и выводов, проследить за развитием их отношений.

Переписка началась в ответственный период жизни Павла Флоренского — начало его научной и педагогической деятельности в Московской Духовной Академии, чьим воспитанником он был. Начинается она по его инициативе. Судя по первому письму Ветухова, молодому педагогу и ученому из Сергиева Посада был необходим совет знатока и профессионала — языковеда по вопросам устного народного творчества, скорей всего — частушкам, а может «заговорам». Флоренского живо заинтересовали народные формы религиозности, в которых органично соединялись языческие и христианские начала. Как и Ветухов, Флоренский открыл для себя в фольклоре неисчерпаемый запас «живого символического словаря человечества». Ветухов к осени 1908 года был автором ряда работ, уже получивших отклик научной общественности России, и это в первую очередь относилось к обширному его труду «Заговоры и заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова». Из истории мысли (Варшава. Вып. 1—2. 1907), завоевавшего специальный диплом Российской Академии Наук. Автор был убежденным последователем взглядов великого Потебни на многие вопросы языкознания. В 1910 году в одной из статей Ветухов утверждал, что «в языкознании давно уже существуют два основных, несогласных между собой течения: в первом — на первом плане логика, во втором — психология. Собственно язык как созидающая энергия». Ко второму направлению тяготел не только он сам, но и Павел Флоренский.

Едва обменявшись письмами, в жизни Флоренского произошло событие, которое на несколько лет определило его внутреннюю жизнь. 19 декабря 1908 года была утверждена тема его диссертации «О религиозной Истине» как естественное продолжение его недавнего кандидатского сочинения. Пройдет немногим более года и он назовет тему более обобщенно и масштабно — «О Духовной Истине». Вступая на тернистый путь ученого-богослова и философа, раскрывая в себе педагогические способности, он обосновывает перед Ученым Советом Академии необходимость новых разделов в преподавании истории философии.

1908 год был годом не только пробы сил на педагогической и научной стезе, но и годом невосполнимых личных потерь. Смерть горячо любимого отца, а несколько позже — духовника Аввы Исидо-

ра. Отъезд ближайшего друга в Тифлис. Это было время остро переживаемого духовно-нравственного кризиса, который затянулся на несколько лет, из которого он, в сущности, вышел лишь накануне свадьбы, почти совпав со временем личного знакомства с харьковским профессором. Их личной встрече предшествовала почти двухлетняя переписка, которая поначалу была достаточно регулярной и даже частой.

В его жизни был то душевный подъем перед поставленными научными задачами и целями, то — состояние душевного смятения и тяжелейших минут сомнений и раздумий. Только к концу 1910 года обретется некоторое равновесие духа, особенно после принятия сана священника. И все эти важные вехи биографии Флоренского так или иначе находили свое отражение в письмах к Ветухову.

Письма были разнообразны и по тону, и по настроению, и по кругу затрагиваемых вопросов. Но с самого начала они были исключительно доверительны и откровенны, поскольку оба рано ощутили родственность душ. По признанию А. Ветухова, письма Флоренского «крайне интересны» и «душой сроднили». Он почувствовал в нем «родственную душу», единомышленника и интереснейшего собеседника. Особенно по душе ему было признание Флоренского о «стремлении служить науке самоотверженно и исключительно по призванию». Поначалу они обменивались письмами один раз в две недели. Ветухов представлялся Флоренскому «почтенным ученым» (его собственное выражение.— *С. Ш.*).

Представляет немалый интерес вопрос Флоренского о том — не будет ли «шокировать» его нового корреспондента присылка исследований религиозного характера. Вскоре оба узнали о том, что у них единые социальные корни: в роду Флоренского — дьячки, низший круг духовного сословия, в роду Ветухова — священники и протоиереи. Это обстоятельство еще больше сблизило их, убеждая в скрытой родственности столь разных душ.

В 1909 году интенсивность их переписки остается постоянной (в среднем 1 раз в месяц), однако уже появляются и более длительные паузы. От письма к письму ощущалось удивительное единомыслие по многим жизненным и научным устремлениям, и это при условии продолжающейся заочности в общении.

Флоренский пишет, что его возмущает «поденщина в науке», но, тем не менее, «манит» Ветухова на университетскую кафедру. Он признается, что может работать лишь тогда, когда работа всецело его захватывает, в то же самое время отмечает, что в академических порядках — царит столько рутины и серости, что абсолютно не способствует вдохновению. Флоренский сетует, что «придавлен горой дел», но в ином ритме жизнь свою не мыслит.

Как и Флоренский, Ветухов считал основным смыслом жизни духовное общение. Для Флоренского оно являлось одним из важнейших и непременнейших условий процесса познания духовной Истины. По его мнению, чтобы постигать многообразные формы духовной Истины, требовались — «со-участие в общей работе, разговоры, советы, дружба, книги». И потому неудивительно, что в марте 1909 года он сообщил в Харьков о возможном приезде для личного знакомства и бесед.

Тогда же весной 1909 года им были опубликованы «Общечеловеческие корни идеализма», где он впервые упоминает о работе Ветухова «Заговоры», причем в довольно лестной форме. Одновременно с этим он подчеркивает важность внимания ученых к смежным наукам, изучающим «народную душу». Он считал фольклор особой формой народо-знания, а язык — важнейшим проявлением этой души.

Он делится с Ветуховым о захватившем его замысле-желании написать «Опыт современного жития», что нашло самый живой отклик у харьковчанина. По мнению С. Фуделя, Флоренский сумел для многих открыть «учение духо-носных подвижников». И первым шагом в этом направлении было создание брошюры, посвященной старцу Исидору. Авва Исидор был назван «печальником за весь мир», а, по убеждению Флоренского, именно такие люди составляют «соль земли». Поэтому окончательный вариант он так и назвал «Соль земли». Ветухов имел свой собственный и немалый опыт общения с людьми такого типа, что в первую очередь относилось к его деду — протоиерею Георгию Попову (см. письмо № 10). И надо ли говорить, сколь близкими были ему и замысел, и воплощение его Флоренским. Родовые корни Ветухова уходили в глубь религиозного самопознания. Вскоре он по совету Флоренского займется изучением генеалогии собственного рода. На примере жизни своих предков он будет постигать «вопрос о преломлении святости в повседневности».

Плавно от одной к другой теме переходили они в письмах 1909 года. Так, в июне Флоренский высказал мысль о написании статьи, где предполагал затронуть влияние логики (формы, мысли, языка) на математику. И снова — получил самый живой отклик в ответ. Как раз в то же самое время Ветуховым была написана для «Русского Филологического Вестника» небольшая статья под названием «Математика и язык», где он утверждал, что «язык — это живой организм, а математика — лишь препарат мысли, правда очень тонкий, точный, совершенный, но все же лишь механизм, живущий постольку, поскольку жив дух, орудующий им, поскольку он может проявить в этой области свою индивидуальность». Ветухов считал вопрос о роли языка одним из «насущных и общественных», подходя к этому как

педагог-практик. По ряду косвенных данных прослеживается уважительное отношение Флоренского к слову Ветухова, к его просветительской и педагогической деятельности. Но в то же самое время Флоренский высказывал сомнение по поводу собственной деятельности — нужна ли его работа в Академии, где царило столько косности и непонимания.

27 августа 1909 года его ближайший друг Сергей Троицкий (тоже заочный корреспондент Ветухова) писал ему в Харьков: «Если Павел бросит Академию, то это будет большая потеря. Жаль его очень, трудно ему *бороться...*» (курс. мой.— *С. Ш.*). Можно лишь догадываться, с кем, а вернее, с чем при кротости характера Флоренского, приходилось «бороться», отстаивая свою внутреннюю свободу. Уже в 1920 году он в назидание самому себе написал: «Из убеждений своих ничем никогда не поступаться. Помни, уступка ведет за собой новую уступку, и так — до бесконечности».

А. Ф. Лосев в своих воспоминаниях отмечал, что в Московской Духовной Академии на общем сером фоне религиозных догматиков и схоластов Павел Флоренский многими воспринимался как «белая ворона». А Василий Розанов в частном письме к Н. Глубоковскому сокрушался по поводу того, сколько же «чудищ» расплодилось в Академии. И потому понятней становятся увещевания Ветухова, когда он пишет Флоренскому, что «на мысль нельзя наложить оковы». За этой ординарной и со временем ставшей как аксиома фразой стоит глубокий подтекст. Только к середине октября 1909 года Флоренский сообщит в Харьков, что «от науки ни в коем случае не уйдет...». В своем письме Ветухов эти слова повторит с нескрываемой радостью. По мере сил он старался в этот критический период служить духовной опорой своему духовному другу.

24 декабря 1909 года Ветухов признавался, что ему «хочется вновь слышать своеобразную, задушевную, брызжущую волной горячей любви *речь...*» (курс. мой.— *С. Ш.*). Заметим, что он письма Флоренского воспринимал как живую, непосредственную речь. Так, диалогичность их общения становится вполне реальной и зримой, а ведь личная беседа произойдет лишь в августе 1910 года.

После довольно длительной паузы в научной работе для Алексея Ветухова переписка с Павлом Флоренским явилась мощным импульсом для ее возобновления. Он признавался, что после каждого письма из Сергиева Посада, которое он ждал с нетерпением, между ними словно протягивались «какие-то незримые, но все более прочные нити». Почти сразу Ветухов ощутил, что Бог посылает ему «близкого по духу человека» и отныне на протяжении десятилетия, а может и больше, он будет чувствовать «поддержку дружеской и *любящей души*» (курс. мой.— *С. Ш.*). Для него каждое письмо и слово Флоренского — это «духовная подмога», а в ней он нуждался постоянно. Вот почему так четко видна зависимость и тревога, когда нарушался ритм их переписки. Обращенное именно к нему слово отца Павла незримо врачевало, восстанавливая душевные силы, и давало возможность осуществлять задуманное в творческом плане. Для него Флоренский был источником духовного выживания.

Вникая в смысл подтекста многих писем, становится понятней суть их «стихийной и глубинной» близости. Это прежде всего отдельные склонности характера: у обоих — цельность и смиренное мужество в ежедневной жизни, стремление в повседневности не растерять творческого ритма и, конечно, объединяло их «донкихотство в понимании идеалов науки и ее деятелей». В восприятии мира оба оставались, несмотря на разницу в возрасте, достаточно импульсивны и впечатлительны, а в чем-то и по-детски наивны. Оба тяготели к деревенской глуши, не любили ничего напоказ, были природно-аскетичны. Оба достаточно негативно относились к современной интеллигенции, в то же время будучи ее представителями.

К моменту их личного знакомства, которому предшествовали почти два года переписки, жизненный путь каждого был уже вполне определившимся. Флоренский не постригся в монахи, о чем страстно мечтал на протяжении стольких лет (сравним с признаниями на эту тему Ветухова!), и в 1911 году примет сан священника. В нем было заложено природой высокое чувство ответственности не только за собственную жизнь, но и за судьбу человека, который исповедуется, и с которым общение идет на протяжении нескольких лет. Ни разница устремлений и творческой энергии, ни усталость, ни частая болезненность — ничто не нарушало сложившегося характера их взаимоотношений.

Многое их сближало, и прежде всего — это интерес к народному творчеству, к этимологии и философии языкознания. Способствовали этому и занятия педагогикой, пусть и в разных внешних обстоятельствах. Сближало даже то, что оба избирались в библиотечные комиссии: Ветухов в своем Коммерческом училище, Флоренский с 1910 года входил в состав комиссии в Духовной Академии. Оба преданнейше любили книгу. С 1911 года Флоренский начинает факультативно читать курс по истории педагогики. Согласно архивным данным у Ветухова была картотека, которую он вел на протяжении многих лет, под названием: «Фамилии и прозвища из истории и психологии языка», что, безусловно, не могло не заинтересовать Флоренского-педагога.

Но в то же время на многие события внутренней жизни нет отклика в сохранившихся письмах Ветухова (так, нет отклика на такое исключительное по своей важности событие, как принятие священнического сана), и позволяет предположить, что часть писем, вероятнее всего, все-таки погибла. К этому же выводу склоняет и анализ дат в сохранившейся переписке, если проследить за датировкой ответов Ветухова хотя бы в пределах одного года, а он старался отвечать на каждое полученное им письмо из Сергиева Посада.

По письмам и датам видны не только «паузы», но и «темные полосы», какие были свойственны обоим. Ритм переписки то нарастал, то ослабевал, однако это никоим образом не означало угашения взаимного интереса. Со временем пришло обретение определенного ритма и душевного равновесия. Духовная близость между ними ощущалась постоянно в той степени доверительности, которая прослеживается по сохранившимся письмам. Их письменный диалог касался не только узкопрофессиональных вопросов, хотя в первую очередь, конечно, присутствовало именно это. Отвлеченная информация и новости в письмах — минимальны и избирательны.

Как старший по возрасту и потому наделенный бо́льшим жизненным опытом, Алексей Ветухов поддержал Павла Флоренского в трудные дни и месяцы кризиса 1909—1910 годов. Он быстро понял, насколько высок духовный и творческий потенциал его молодого друга из Сергиева Посада, и сравнивал его с самым дорогим в его жизни человеком — со своим Учителем и наставником и в науке, и в жизни — Александром Потебней.

Память о нем была для Ветухова священна. В его сознании Потебня занимал самый высокий ранг ученого-мыслителя. И потому столь красноречиво его сравнение Флоренского с Потебней. Ветухов был глубоко убежден, что Павел Флоренский *призван* служить науке в самом высоком значении этого понятия и что именно в этом состоит жизненный подвиг его младшего брата по духу.

В истории их общения прослеживается вполне очевидная метаморфоза: в начале знакомства Ветухов — старший и в науке, и в жизни. В известной степени на каком-то недолгом этапе он выступал даже и как наставник, но вскоре ситуация в корне претерпела изменения. Стремительный духовный рост Флоренского наглядно убедил Ветухова в том, какой *исполин* человеческого духа встретился ему на жизненном пути. В октябре 1911 года Ветухов впервые обратился к нему «отец Павел», а в феврале 1912 года будет перед ним исповедоваться, назвав его своим «*духовником*» и «*молитвенником*». С тех пор он почти в каждом письме будет просить отца Павла помолиться за него, свято веря в силу такой благодатной молитвы.

Если рассматривать их общение во времени, то видно, как их духовная близость и общность наполнялась новым содержанием и претерпевала заметные изменения. Ветухов искренне восхищался тем, как Флоренский самоотвержен в своем служении науке, как широк диапазон его интересов, и все это вопреки жизненным трудностям и тяготам. Флоренский был для него примером и образцом. Ветухов отнюдь не так мужественно переносил внешние многочисленные испытания.

Павел Флоренский воспринимал жизнь прежде всего как *послушание*, и такая жизненная позиция оказалась близка Алексею Ветухову в силу его природы. Вспомним, что напишет несколько позже Флоренский в своей работе «Имена» по поводу имени Алексея: «В нем есть что-то онтологически болезненное: неприспособленность к самостоятельному существованию в мире, неприспособленность внутренняя». И далее: «Алексей — тихий, неактивный во внешнем мире. Его воля не поспевает за впечатлениями его чувства...».

Узнав о настроениях Ветухова, связанных с желанием уйти в монахи, будучи отцом троих детей, у которого было немало серьезных жизненных обязанностей, отец Павел на примере собственного опыта и переживаний нашел нужные слова поддержки и сумел убедить харьковчанина не делать этого. Тем досадней, что текст этого письма-увещевания не сохранился. Однако в этой связи интересен фрагмент письма Василия Розанова Николаю Глубоковскому, где, как в отраженном зеркале, видны черты поразительного облика Флоренского: «По интересу личности, представьте, я во Флоренском встретил почти чудо: отшельник, *монах* (по жизни), философ (платоник) и вместе безгранично чувствующий природу...» (курс. мой.— *С. Ш.*).

И далее Розанов признается: «То, что он в письмах мне писал, лишь наполовину я понимаю, постигаю, но то, что постигаю — в высочайшей степени любопытно...».

Нам представляется, что и Ветухов был и по своему жизненному пониманию, и по жизне-ощущению монахом, именно это делало его глубинно-близким Флоренскому, несмотря на разницу в возрасте, социальном происхождении, масштабе личности, а в последующие годы и по природе духовных устремлений и свершений.

При огромной загруженности Флоренского как педагога и ученого, как священника, а затем еще и

как редактора «Богословского Вестника» было вполне естественно нарастание пауз в письмах, что никоим образом не устраивало Ветухова, хотя он все понимал. Для поддержания уже сложившихся отношений они все чаще обмениваются открытками, причем не реже, чем одна-две в два месяца. И все же при всей «неровности» в переписке есть и ритмичность, и регулярность. И можно лишь удивляться, как при нарастании нагромождения ежедневных дел Флоренский изыскивал возможность, чтобы писать душевные и теплые письма, читая которые, адресат «отогревался душой». Ветухов дивился высочайшей творческой активности Флоренского, его постоянному восхождению в миро-познании.

Уже после первой встречи в письмах улавливается тончайшая интонация скрытой дистанции — Ветухов осознал, насколько огромен масштаб этой еще молодой личности ученого-мыслителя и богослова. От письма к письму сила духовного воздействия Флоренского будет становиться более зримой и мощной. По признанию Ветухова, после чтения письма из Сергиева Посада в нем неизменно росло и ширилось «много доброго и светлого», но приходилось при этом искренне сожалеть, что их разделяет «довольно далекое расстояние», как написал сам Флоренский, а Ветухов как эхо повторил эти слова.

Судя по письмам Ветухова, число личных свиданий было невелико — не более пяти раз.

Несмотря на то что тексты обнаруженных писем Флоренского в Харьков невелики по объему, тем не менее, они наполнены разнородным содержанием и состоят как бы из нескольких пластов и уровней постижения. Мысль автора писем движется от частностей к обобщению, от конкретики какого-то события — к размышлениям о будущем, о жизни, достойной науки, и о науке, достойной этой жизни, о развитии человека и общества, способного гармонично развить заложенные природой способности, о необходимости самопознания и духовного совершенствования, о жизни церковной общины, какой ей надлежало бы быть. В этих сохраненных Временем текстах мы сталкиваемся с проявлением удивительной афористичности стиля Флоренского. Отдельные выводы запоминаются сразу и надолго: «Быть гостем в деревне, значит, быть обреченным на безделие» или «праздноемкость у нас, русских, весьма велика».

Запоминаются и мысли Павла Флоренского, которые не потеряли своего актуального звучания и в наши дни: «Каждое общество достойно своей науки!» И еще: «Наука есть только грань, поверхность жизни и она не может быть иной, нежели *вся* глубина жизни» (курс. П. Ф.— *С. Ш.*).

Рассматривая вопросы развития науки о религии, о «доме», где должны формироваться будущие ученые, философы и богословы, теологи и простые духовные пастыри, Флоренский высказывал мысли, особенно созвучные Ветухову, поскольку часть из этих положений осуществлялась некогда в такой обители, как Харьковский Коллегиум. (Более подробно об этом смотри наш комментрий к соответствующим письмам.) Насколько эти вопросы не исчезли из поля зрения Флоренского, можно судить из ряда документов. Так, например, в апреле 1917 года им будет составлена «Записка к студентам Московской Духовной Академии», где читаем: «Ценность высшей школы вообще, в Академии я вижу не в технической пользе обучения, а в возможности установить **особую духовную культурную среду**, которая настолько могуче действовала бы на находящихся в ней, как профессоров, так и студентов, что их духовные и культурные силы, получая тысячи невидимых толчков, сами собою развертывались бы, вырастали и приносили плоды...». И заключал: «Академическая организация должна быть прежде всего своеобразной семьей.., а ленивый и небрежный студент рано или поздно получит в жизни должное...».

Флоренский мечтал об «очищении ума» студентов и молодых ученых от ложных предпосылок и догматов ложной философии современности. В этом убеждают многие суждения в текстах его отзывов на кандидатские сочинения своих питомцев по Академии, которые, как правило, он отсылал в Харьков на прочтение и которые находили в сердце Ветухова самый живой отклик, будя его собственные размышления.

Позже Павел Флоренский задумает «Записки о православии», как некий цикл, но лишь небольшая часть из них найдет свое реальное воплощение. А в сохранившихся набросках нам слышится давнее эхо его прежних размышлений в письмах, посланных им в Харьков. Флоренский был убежден, что только «вера дает подлинное прикосновение к духовному миру», и это было особенно дорого и близко Алексею Ветухову.

В 1933 году после вторичного ареста Флоренский в жутких условиях создает философско-политический трактат из восемнадцати разделов под названием «Предполагаемое государственное устройство в будущем», которое можно рассматривать и как его обращение к потомкам, и как своеобразное завещание, и как естественное завершение былых размышлений, которые, наконец, нашли свою универсальную и совершенную форму воплощения. В этом уникальном документе высокого человеческого духа есть строки и о будущем развитии образования и религии. Отец Павел считал религиозное чувство неотделимым и неуничтожимым во внутренней жизни любой индивидуальности, и потому, по

его мнению, в развитии государства необходимо будущее религиозное углубление жизни. Он оказался провидцем сегодняшнего дня и сегодняшнего положения вещей в духовной жизни общества.

Игумен Андроник писал: «Под угрозой смерти, при тюремных пытках и издевательствах, он написал философско-политический трактат, который по содержательной стороне и стилистической емкости может быть поставлен в ряд классических работ Л. Тихомирова, И. Ильина, А. Солженицына».

Тем значительней представляется нам то, что нашли гармоничное и логичное завершение его мысли, впервые мелькнувшие в одном из его писем к харьковскому корреспонденту.

После 1912 года характер их письменного диалога претерпевает некоторые изменения: помимо интеллектуально-абстрактного момента он стал включать и скупые житейские подробности, в чем особенно убеждают черновые наброски писем Флоренского, датированные 1912 годом, где он раскрывается неожиданно.

В дружеских отношениях Павел Флоренский усматривал прежде всего близость «и по цели, и по путям». Немалое значение для него имели, как он сам говорил, «исходные пункты развития». Все это в известной степени присутствовало и в его отношениях с Алексеем Ветуховым, несмотря на глубокие и различные напластования личности каждого из них. Отец Павел все чаще смотрит на жизнь как «на развитие философских воззрений», воплощенных в конкретных судьбах, которые Господь посылает в мир.

Интересен отрывок его письма к Василию Розанову, датированный июнем 1917 года, о круге друзей, сложившихся вокруг «Богословского Вестника»: «Московская „церковная дружба“ есть лучшее, что есть у нас и в дружбе... все свободны и все связаны, все по-своему и все «как другие»...

Ему бесконечно дорого «со-участие в общей работе разговорами, советами, дружбой, книгами...». Он признается: «Для нас смысл жизни — вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности „личных“ связей... чувствуешь, что всех *ранил* (знак П. Ф.— *С. Ш.*), и впредь им придется все же задуматься, а при случае, когда Бог посетит несчастием,— и принять кое-что в сердце...»

Этот отрывок не просто интересен, а крайне важен для понимания глубинных основ отношения отца Павла к любому, с кем связывала его судьба дружескими узами. Переписка с Алексеем Ветуховым убеждает, что харьковчанин входил в этот круг хотя бы на периферии, хотя «кривая его жизненного пути» (выражение П. Ф.— *С. Ш.*) была отлична.

В 1911—1912 годы Флоренского еще больше, чем прежде, занимают вопросы, связанные с раскрытием единых законов в развитии мысли и языка, особенно ему становятся созвучны идеи Потебни. Заинтересовал его и вопрос об аналитической функции слова, который затрагивал Ветухов в ряде статей, и особенно в книге «Жизнь слова». Ветухов писал: «В жизни языка личное начало всегда играло и ныне играет важнейшую роль: это стимул развития и усовершенствования мысли и речи человеческой». Их сближению способствовал и круг проблем, который занимал в равной степени обоих на этом этапе их развития. Ветухов не уставал удивляться и подчеркивать в письмах дар Флоренского — как лингвиста и филолога, его тяготение к вопросам философского языкознания.

В конкретной метафизике бытия отец Павел отводил важное место жизни слова и потому стремился расширить свои знания. Они разносторонне проявились в его этимологических исследованиях в «Столпе и Утверждении Истины». В этом труде он наиболее полно раскрыл свои способности, в том числе и способности лингвиста, когда с помощью этимологических размышлений приходит к обоснованию важнейших философских и богословских категорий и понятий. Он был убежден, что «в языке содержится ряд механизмов, связанных с познавательной способностью человека, раскрывающих „корни вещей“...».

Как Флоренскому, так и Ветухову, близки слова Антония Великого о том, что «у людей ничего нет ценнее Слова», и что «Оно столь же сильно, что словом и благодарением мы служим Богу и что бесполезным и бесчестным словом подвергаем суду нашу душу». Вот почему у обоих было *высокое чувство ответственности перед Словом* и бережно-трепетное к нему отношение (курс. мой — *С. Ш.*).

В изучении слова и языка Алексей Ветухов видел «главное орудие проникновения в чужую мысль и оформление собственной» при этом. И потому для него были столь естественны и близки этимологические фрагменты «Столпа».

Еще будучи студентом, Флоренский написал: «В океан внутренней жизни человечества брошено Слово и ширящимися кругами вечно идет от места падения сила души...». В его сознании эта мысль найдет свое развитие и самые разные формы воплощения.

С осени 1912 года он принимает предложение ректора Духовной Академии стать во главе «Богословского Вестника». Он пытается сплотить вокруг издания людей, «близких по духу и устремлениям». В этот список вошел и Алексей Ветухов из Харькова. И хотя не очень интенсивной оказалась степень

участия Ветухова в деле издания журнала, тем не менее, им был пережит удивительный эффект соучастия в этой работе.

В начале января 1913 года Флоренский предложил своему харьковскому другу написать отзыв на книгу священника Соболева. Уже в марте 1913 года Ветухов напечатал отзыв и запрашивал: что еще ему рецензировать? А в мае того же года он приступил к чтению труда харьковского профессора Погодина «Язык как творчество», с тем чтобы вскоре написать расширенный отклик. Судя по письмам этого периода, Флоренский делился своими размышлениями о назначении и сущности языка, о сложных пластах между мыслью и формами ее выражений, проявлений, воплощений.

Именно тогда Флоренский высказал надежду, что Ветухов соберет свои разрозненные статьи под единый переплет книги с условным названием «Язык и ...». Он настоятельно советовал «привести в порядок заметки» по философии языка, и в этом совете, повторяемом им неоднократно, раскрывается истинное его отношение к тому, что писал Ветухов. Флоренский постоянно приглашал «со-участвовать» среди «остатка верных» и даже предлагал выступить на страницах юбилейного номера журнала. В двух рецензиях, с какими выступал Ветухов в «Богословском Вестнике» (см. примечания), Флоренский неизменно исполнял роль доброжелательного, но взыскательного редактора.

С началом 1914 года их пути, а значит, и устремления, частично расходятся: у отца Павла непомерно возрастают и расширяются, у Ветухова, скорей, напротив — идет сосредоточение на узкопрофессиональных проблемах педагогики, о чем свидетельствует участие во всех всероссийских съездах по педагогике и воспитанию. И хотя внешне точки соприкосновения ослабевали и растворялись, тем не менее, память о духовной близости оставалась достаточно сильной.

В конце 1913 года Флоренский попросил Ветухова высказаться по поводу расширенного и наконец-то последнего варианта «Столпа» и, надо полагать, Ветухов вошел в первый круг его читателей. После этого наступил 3-х месячный перерыв из-за болезни Флоренского и подготовки к защите диссертации, которая, по его словам, висела над ним «как дамоклов меч». Но уже в апреле 1914 года он запрашивал Ветухова: отчего тот не пишет ничего для «Богословского Вестника» и просил «писать вообще», одновременно желая «творчески поработать летом». Но затем — вновь длительное, многомесячное молчание... Только в ноябре Флоренский объяснил причину: «уйма работы», потеря любимой сестры, напряженная редакторская деятельность, когда «приходится не просто созидать, а все время разрушать позитивистское настроение...».

И это на фоне его постоянной готовности помочь всем, кто нуждался в его совете и духовной опоре — от студента и до корреспондента.

С приходом Флоренского в «Богословский Вестник» заметно расширился круг авторов и тематика публикаций. Статьи церковно-исторического плана сочетались с литературными, немалое место занимали и архивные материалы; появились даже математические исследования, перекликавшиеся с философскими проблемами. Флоренский часто печатал безвестных, но талантливых авторов. Круг друзей и единомышленников расширялся, но «ядро» было постоянным. В чем-то глубинном эти публикации создали особую атмосферу русской культуры начала XX века, отразив искания и борения творческой интеллигенции, вновь обратившейся к Господу. Этот круг раскрывает и мир творческих контактов Павла Флоренского; мир, в котором еще столько «белых пятен».

Сам отец Павел выступал на страницах «Богословского Вестника» сравнительно не часто и либо с проблемной статьей на базе его лекций для студентов Академии — по теории словесности и философии, психологии и истории религии, либо как рецензент.

Все эти публикации регулярно отсылались им в Харьков в дар. Поиск *синтеза* познавательных способностей личности и ее миро-смысловых и жизне-смысловых установок, ее эстетических и нравственных потребностей, и в первую очередь религиозных — все находило свое блестящее отражение в выношенном слове отца Павла.

Давно назрела необходимость каждое печатное его выступление собрать, систематизировать и дать «второе рождение».

Не раз на страницах журнала звучала так называемая «харьковская тема»: то печатались труды Иннокентия Борисова, то сочинения архипастыря Амвросия и архимандрита Антония, то некролог о ректоре харьковской духовной семинарии, публиковались и статьи молодых ученых — Евгения Кагарова (см. примечания к письмам) и студента, едва окончившего курс, Евгения Байбакова.

Алексей Ветухов старался найти интересных авторов в среде научной интеллигенции города и тем самым помочь Флоренскому-редактору. Однако не все его предложения принимались Флоренским: так, например, были отклонены по неизвестным причинам статьи К. Смирнова, не напечатана была статья о 4-м измерении...

В свою очередь, не отозвался на просьбу Ветухова «поучаствовать» в харьковском журнале «Вера и Разум» и Флоренский, на что, очевидно, имел самые веские основания, и в первую очередь — колоссальную загруженность. В конце 1914 года в журнале «Вера и Разум» появилась развернутая рецензия Ветухова на книгу Флоренского «Столп и Утверждение Истины». А несколько позже там же будет напечатана и статья Ветухова «Микробы зла», которую прежде он предлагал «Богословскому Вестнику». Все в этих творческих контактах было сложно и неоднозначно.

В марте 1915 года Флоренский сообщил в Харьков о «чрезмерной» переутомленности, но, тем не менее, он продолжал держать Ветухова в курсе своих дел, знакомил с новыми публикациями, сообщал о покупке собственного дома. И вновь предлагал «писать для „Богословского Вестника", а также готовить сборник статей к изданию. Увы, Ветухов на последнее предложение не отозвался.

Угасание творческих усилий последнего нашло отражение и в интонациях писем 1915—1916 годов. Флоренский «бодрил» своими письмами, будил творческий дух Ветухова и даже звал приехать «к святителям московским». Он не оставлял надежд помочь харьковскому другу, и в первую очередь — помочь издаваться. В этом стремлении он проявлял удивительную настойчивость. Одновременно с этим ратует за продолжение публикаций третьей части «Заговоров». А как только вышла книга «Жизнь слова» он пишет Ветухову подробный ее разбор. Но если на книгу «Начатки русской грамматики» он опубликовал печатный отзыв в ««Богословском Вестнике», то на этот раз он постарался заинтересовать новой книгой Ветухова одного из своих любимых учеников — Сергея Голованенко и предложил ему написать рецензию для печати.

В 1916 году вновь нарушается ритм их переписки, казалось бы, наладившейся после защиты диссертации. В этом году преобладают открытки с предельной лаконичностью стиля и информации. В мае Флоренский сетует, что «никто не хочет ни правды, ни убеждений», поскольку повсюду «кишат хитрости, интриги, партийность» и что вокруг него усилилась *«духота духовная»* (курс. мой — *С. Ш.*). Такие признания приоткрывают завесу времени предреволюционного периода его жизни, делают многое более понятным и зримым, благодаря тем словам, которые цитирует Ветухов из писем отца Павла, поскольку они находят в нем особый отклик и эффект сопереживания.

Новый 1917 год Ветухов планировал провести в семье Флоренского, где «тихо, просто, без церемоний и лукавства». Однако нет документальных свидетельств, что это на самом деле произошло.

Немалый интерес представляют не только тексты 1917 и 1918 годов, написанные им в Сергиев Посад, но и даты написания и даже отметки о их получении.

Анализ дат и помет во многом говорит сам за себя. Открытки за февраль, апрель и июнь, а затем после длительной паузы — октябрь и декабрь. Сбивчивый ритм. Тревожно время. Напряжены все силы.

Можно лишь удивляться, как при такой «нагрузке сердца и ума» отец Павел находил душевные силы, чтобы подробно отвечать на письма: в июне Алексей Ветухов благодарит его за письмо, которое «ослабило до краев натянутые нервы». Но только ли у него были они натянуты? И кто помогал самому отцу Павлу?

А в конце 1917 года письмо отца Павла доставило истинную «духовную радость», и это тогда, когда Ветухов едва оправился, похоронив отца. Потери, болезни, жизненные трудности нарастали, осложненные социальными потрясениями. И потому так понятно его признание, что «духовные вопросы как-то задавлены». И все настойчивей просьба «помолиться за раба Божьего Алексия». Он искренне верил в действенность молитвы отца Павла.

Для более глубокого понимания отношений Флоренского и Ветухова несомненный интерес представляет мнение отца Павла о трактовке имени Алексей, что вскрывает глубинные мотивы их духовного многолетнего общения. Флоренский писал, что у тех, кто носит имя Алексей, «отношение к миру бытийственно, эмоционально, стихийно, мистично и малоответственно». Как правило, «они не умеют и не хотят выразиться в связном и раскрытом творчестве». Но главное, это — характер жизненного пути Алексея, который представляет собой путь, исполненный смирения и юродства. В его облике основным является смирение и отсутствие мужественности перед задачей жизни.

За 1918 год сохранилось всего два документа... Они помечены январем и сентябрем. Вслушаемся в пожелания, которыми заканчивал свои письма Ветухов: «Дай Бог света, радости, покоя душевного» и еще: «Да хранит Вас и семью Вашу Господь в тяжких испытаниях...». Оно написано в январе 1918 года, а в сентябре того же года читаем: «Да хранит Вас и семью Вашу Господь от бед и ужасов современности». Но ужасы лишь нарастали, ужасы и испытания были еще впереди...

Горько звучит нота, на которой обрывается их переписка. Но трудно верить, что их духовное и человеческое общение на этом и завершилось.

У Флоренского часто встречается в разном контексте прекрасное и редкое по своей емкости и

выразительности слово «со-мысленник»! Безусловно, к этому разряду людей в его жизни можно отнести и харьковского корреспондента Алексея Ветухова.

Переписка А. В. Ветухова и П. А. Флоренского разбита на две части, в каждой из которых сначала публикуются письма А. В. Ветухова, а затем П. А. Флоренского. Подготовили переписку *П. В. Флоренский, С. Б. Шоломова* (Харьков). Предисловие *С. Б. Шоломовой* (Харьков). Комментарии *С. Б. Шоломовой* и *И. Б. Забашта* (Харьков).

Письма А. В. Ветухова к П. А. Флоренскому (1908—1913)

1

1908.XI.5.

Милостивый Государь, Павел Александрович!

Сегодня получил Ваше открытое (слово «письмо» пропущено.— *С. Ш.*) от 29 октября, любезно пересланное мне из Варшавы Е. О. Карским, редактором «Русского Вестника» [1].

Спешу исполнить Вашу просьбу: вместе с этим письмом отправляю заказною бандеролью 1—2 ч. «Заговоров», что касается дальнейших [2] выпусков, определенно сказать затрудняюсь. Очень хотел бы начать печатание 3-й части с наступлением Нового Года (вчерне она готова к печати), а там — как Бог даст: в настоящее время у меня мало досуга и возможности сосредоточиться. Печатание 3-й части потянется, вероятно, несколько лет, т. к. «Русский Фил. Вестник» выходит всего 4 раза в год и много места одной работе отдавать не может.

Сообщите, если не затруднит Вас, какого рода материал Вы имеете, касающийся заговоров, откуда взят, и если не в труд,— один-два образчика, чтобы я мог судить, какой он цены; быть может, полезно будет Вам его предварительно опубликовать, а тогда я использую его попутно в своей дальнейшей работе.

Если Вас так живо интересует моя работа, это для меня большое удовольствие: я только в самое последнее время столкнулся с лицами, которых занял этот вопрос: таков, например, Мансикка из Гельсингфорса [3], приезжавший в Харьков для получения от меня сведений в задуманной им тогда работе и ныне напечатавшей ее на немецком языке.

Пишите подробно о всем, что Вас занимает, затрудняет. Я охотно буду отвечать на Ваши запросы. Было бы приятно, если бы Вы где-нибудь в печати высказали свое мнение о моей работе: нам легче было бы понять друг друга и взаимно идти навстречу в разработке общего труда, не затрачивая много времени на переписку общего характера, а обратившись прямо к тому, что для нас обоих останется неясным.

Я — своего рода поклонник «искусства для искусства» и «науки для науки». За рецензии, каковы бы они ни были, считаю преступлением обижаться sint judiein libera [4] — этим путем и только движется наука. Браните, сколько угодно — обижаться не стану.

Если отзыв будете печатать, сообщите,— где, а получите оттиски — не откажите прислать. Присылкой Ваших трудов в обмен на мои (если что из них заинтересует Вас, охотно вышлю; список их найдете на обложке «Заговоров»),— доставите мне большое удовольствие.

Готовый к услугам А. Ветухов

Адрес: Харьков, Лермонтовская 18, с. д.— Алексею Васильевичу Ветухову.

P. S. Если «Заговоры» потребуются для Академии [5]— можно найти в кн. магазине «Нового Времени», куда сдал неск⟨олько⟩ экз⟨емпляров⟩ на комиссию по 4 р.

А. В.

на конверте: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская ул. д. Ивойлова

штамп: Харьков. 6.11.08.

черными чернилами (рукой П. Флоренского): «получ. 1908.XI.8».

2

1908.XI.16.

Многоуважаемый Павел Александрович!

Ваши интересные работы получил и начал читать «Столп и утверждение Истины» [1]. С нетерпением жду Вашего ответа на мое письмо, отправленное одновременно с книжкой «Заговоров». Меня крайне интересует тот материал о заговорах, с которым Вы обещали познакомить меня в своей открытке от 29 октября с. г. В данное время я пересматриваю весь свой материал для 3-й части и составляю общую характеристику,— род введения; какая-либо новая черта в материале может сыграть свою роль.

Если не в труд, сообщите в самых кратких словах, где и когда записано то, о чем Вы упоминаете, и хотя 1—2 отрывка.

Исполнением просьбы премного обяжете уважающего Вас

А. Ветухова

Харьков. Лермонтовская 18, с. д.

на конверте: Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская ул. д. Ивойлова.

штампы: Харьков. 17.11.08
Сергиев Посад. 19.11.08.

черными чернилами (рукой П. Флоренского): «получ. 1908.XI.18.»

3

1908.XI.30.

Многоуважаемый Павел Александрович!

Не гневайтесь и не судите меня строго за то, что так долго не собрался ответить на Ваше последнее письмо, крайне интересное, душой сроднившее меня с Вами.

Ваше стремление служить науке самоотверженно, исключительно по признанию, а не из-за выгод и личных соображений, меня очаровало. Быть может, это потому, что во мне

немало дон-кихотства в понимании идеалов науки и ее деятелей. Вот Вы меня называете «почтенным ученым», очень высоко цените мою ученую работу, а меж тем я, занимающийся научными вопросами свыше 15-ти лет, никакой ученой степени не имею. Я состою лишь учителем русского языка в Харьковском Коммерческом Училище, правда, по призванию, и все еще не уверен — колеблюсь — менять ли свою теперешнюю деятельность (в которой являюсь полезным и нужным для «малых сих») на ученую.

По окончании университета я уклонился от этой дороги, по выходе в свет «Заговоров» вторично уклонился от защиты их в качестве диссертации, уклоняюсь и от выступления в качестве приват-доцента.

С одной стороны, опасаюсь, как бы внешняя сторона учености не отвлекла меня от внутренней стороны этого дела, которая совершенно не оформилась. Вы видите из моих работ мелких, что все это — искания путей, искания себя, своей силы, все еще кипит запросами и замыслами.

С другой стороны, у меня в ушах все еще звучат слова моего университетского учителя (умышленно употребляю это слово вместо — «профессора»), А. А. Потебни — обаятельной, цельной личности и глубокого философа-ученого, который как-то раз на лекции, как бы между делом, в задумчивости, приблизительно так сказал: «Да, самое ценное и самое трудное дело быть учителем родного языка, и в младших классах. Идите туда, если можете» [1].

Окончив первым кандидатом [2], я почти тотчас получил несколько предложений быть учителем вне Харькова и в старших классах. Отказался и просил дать мне уроки в Харькове. Первый год пришлось давать уроки гимназистам 4-х старших классов, а на следующий я попал в открывавшееся тогда Коммерческое училище, где постепенно и закрепил за собой младшие классы вместе с заведованием библиотекой и внеклассным чтением всех учащихся К⟨оммерческого⟩ Уч⟨илища⟩. Одна мечта юности т⟨аким⟩ об(разом) очень рано осуществилась, другая,— родившаяся несколько позднее,— провести в научную практику научные идеалы Потебни, облечь в плоть и кровь ту схему их, скелет, который им оставлен и представляет собой огромную ценность, к сожалению, мало известную, мало доступную по форме,— осуществляется мною исподволь в моих ученых работах. Когда они будут признаны официально ценными, когда меня сочтут в ученом мире достойным докторства honoris causa [3], без всяких к тому происков с моей стороны, тогда я выступлю и на университетской кафедре в уверенности, что я и там действительно нужен и полезен. Кстати, к тому времени, вероятно, часть тех сил, которые нужны для средней школы, от меня уйдет, а стороны духа, для научной деятельности потребные, окрепнут. Таковы мои планы и я, как человек верующий,— (я ведь происхожу из родовитой духовной семьи) [4], потому вопросы религии меня глубоко и широко интересуют, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, уже традиционно,— думаю, что они в свое время осуществятся, раз они согласны с велением Божиим, а нет — пусть идут прахом.

Я раскрыл перед Вами свои intima [5], так как почуял в Вас что-то близкое, родное по духу. Пишите почаще, если позволят Ваши занятия. Ваши письма будут служить мне поддержкой в моем духовном одиночестве, непонимании окружающими, при огромном к тому же количестве работы, которую приходится выполнять ежедневно.

Что касается Вашего замечания относительно недостатка (пожалуй, даже отсутствия описательного элемента), оно совершенно верно. Пока в задачу моей работы входят лишь тексты заговоров: на них опирается вся постройка: ведь мое исследование лежит главным образом в области синтаксиса в том широком смысле слова, как его понимал Потебня. По завершении этой основной работы я надеюсь в отдельных статьях перейти к побочным вопросам описательного характера; для всех пунктов, Вас интересующих, у меня имеется материал, пока не систематизированный, т. к. он мною отбрасывался в сторону при отборе необходимого для основной работы.

Относительно собранного Вами материала из области народного творчества скажу Вам следующее: пошлите его, по обработке, или в «Филологич. записки» (Воронеж), или в «Русский Филологический Вестник» (Варшава) или, наконец, в «Этнографическое обозрение» — с просьбой не задержать с печатанием [6].

Интересующие Вас работы свои (№ 6, 12, 13, 15, 20, 21) посылаю этой же почтой. Полагаю, что теперь не станете уже спрашивать, не будет ли меня шокировать присылка Ваших исследований религиозного характера.

Горячо желаю Вам успеха в Ваших работах и твердого стояния на началах бескорыстного научного идеализма: он так существенно важен и необходим в настоящее время захвата науки улицей, толпой.

Ваш А. Вѣтухов.

на конверте: Заказное.
Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская ул. д. Ивойлова.
от А. В. Ветухова
Харьков. Лермонтовская ул. 18.

штампы: № 528. Харьков. 1.12.08
Сергиев Посад. 3.12.08.

черными чернилами: «получ. 1908.XII.3. Серг. Пос.»

4

1909.1.12

Многоуважаемый Павел Александрович!

Поздравляю и Вас с прошедшими, надеюсь, приятно проведенными на родине праздниками и Новым Годом. Желаю новых сил и энергии для новых работ. Не отвечал Вам долго потому, что считал Вас уехавшим до возобновления занятий в Костромскую губернию, а с 7-го января попал в присяжные заседатели, и вот только сегодня сравнительно рано освободился из суда и пишу Вам, ставшему для меня, после Ваших писем, близким человеком.

Радостно было читать, что Вы из моей брошюры [1] так ярко вырисовали себе образ моего покойного учителя Потебни; это поистине был учитель жизни своей дивной и строгой цельностью натуры; я ему очень многим обязан в своем духовном укладе и в своей брошюре мне страстно хотелось передать во мне, другим хотя в слабом контуре обаятельность этого человека. Если это достигнуто, это — лучшая моя радость. Читайте его, многоуважаемый Павел Александрович, только малыми дозами,— он много дает, но только усиленно желающему получить это многое.

Гехтман [2]— мой современник по университету, кажется, только помоложе, а потому б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, и не слушавший лично Потебню (я и мой выпуск, кажется, всего 3—4 слушали его предсмертные лекции), но в то время обаянием Потебни был исполнен университет, и не удивительно, если Гехтман был охвачен этим течением. Г. был способный человек и интересовавшийся многим. Теперь он, кажется, директор одного из коммерческих училищ на Кавказе.

Потебня именно был заклятый враг поденщины в науке, которая нас с Вами так возмущает,— он даже не мог читать т⟨ак⟩ н⟨азываемые⟩ общие курсы, а выговорил себе право читать лишь специальные курсы и по тем вопросам, которыми занимался дома, готовя к печати в тот семестр, и потому знакомил нас с лабораторией, так сказать, научного процесса: он говорил при нас и с нами. Вот потому-то мне так боязно и жутко выступать со своим бледным словом на той же кафедре, где еще реет дух этого могучего великана. Нет, не маните меня туда. Я Вам в предыдущем письме изложил свою точку зрения: придет на то час Божией воли,— пойду бестрепетно. А пока будем трудиться в тиши. Как много у нас оказывается общего: я тоже тяготею к деревне, к глуши и страдаю от воздействия обезличивающего, подрезывающего крылья идеалам, города. Последние два года я живу почти в поле, на окраине города, и чувствую себя привольнее. Хорошо бы нам когда-нибудь свидеться. Больше писать не в силах: поздно, а завтра преисполненный работы день.

Благодарю за Ваши брошюры [3].

Пишите. Живите счастливо.

Ваш А. Ветухов

P. S. Посылаю Вам с этой же почтой свои «Начатки русской грамматики» — стремленье провести в школу учение Потебни. Прочтите и скажите свое мнение. А. В.

на конверте: Сергиевский Посад Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
от А. Ветухова.

штампы: Харьков. 12.1.09
Сергиев Посад. 15.01.09.

черными чернилами: «получ. 1909.1.15. Серг. Пос.»

5

1909.1.25.

Глубокоуважаемый и родной по духу
Павел Александрович!

С каждым Вашим письмом меня все больше тянет к Вам душой: какие-то незримые, но все больше частые и прочные нити протягиваются между нами. Я даже как будто за это время посвежел и помолодел душой. «Голод (физиологический) — по пословице «не тетка», а о духовном — что и говорить. А ведь я за последние годы наголодался.

Заря моей сознательной научно-умственной жизни была освещена ярким солнцем (под влиянием Потебни), потом я надолго замкнулся в себе, переваривая и пережевывая все многообразное обилие полученного в сыром виде, в зернах. И в эту пору — созревания и усвоения — отсутствие близкого человека, понимающего глубинные мятения духа, умеющего чуткою, нежною рукою прикоснуться к наболевшему, разрешить тревоги и сомнения, дать выход им, мало осязалось, мало как-то скоробило (простите за неупотребительное слово), но оно передает лучше мою мысль — настроенность меня. Юная сила кипела и бурлила — и все было ни по чем. А вот уж в последние годы, когда пришлось по поводу завладевшей моей душой ответственной работы обращаться в разные стороны ученого мира за помощью, за советом, за откликом, тут и я с великой горечью и болью сердца познал, что науки, как единого целого, конечно, нет у нас, но в отдельных науках, живущих ее интересами, как усиливающими и ослабляющими биение сердца, почти совсем нет. И очутился я как бы на необитаемом острове, и жуть какая-то проползла там, где-то глубоко-глубоко. И на время перо выпало из рук и работа моя (о Заговорах) прервалась на значительный промежуток. Только случайное обстоятельство, которое я по своему духовному складу (сложившемуся еще с детства очень прочно и выдержавшему в юности ужасные бури) приписываю воле Божией, сильно всколыхнуло во мне,— правда в силу честолюбия,— стремление к работе.

Правда, в начале я писать-«творить» не был в силах, а перечитывал готовое и подготовленное (ранее) к печати. Постепенно волна интереса к дальнейшему раскрытию уже сказанного и продуманного подступала все ближе и вскоре понесла с такой быстротой, что я менее чем в полгода приготовил к печати около 10-ти печ. листов. Да и теперь,— Вы совершенно правы, дорогой Павел Александрович,— я только тогда и могу работать, когда эта работа всецело захватит, завладеет мною. Так было и с «Грамматикой» [1]: она вынашивалась, «незримо зрела» многие годы, а вылилась в какие-нибудь пять-шесть недель неустанного, неотвязного труда,— и знаете, пожалуй, благодаря Вам. Ведь после окончания 2-ой части «Заговоров» я очень долго — до знакомства с Вами,— пребывал в каком-то подавленном настроении, за что ни принимался — все валилось из рук.

Спасибо Вам сердечное за Вашу свежесть и высоту душевную, которая пахнула на меня. Пишите.

Ваш А. Ветухов

P. S. Ваши замечания о грамматике необыкновенно приятны и ценны для меня. Я уже почти всем воспользовался. Если бы Вы хотя самую кратенькую заметочку написали о ней с душевным подъемом, это сразу бы открыло к ней сердца наиболее чутких педагогов, а для меня — это все.

А. В.

на конверте: Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул. с. д. Ивойлова.
от Ветухова.
Харьков. Лермонтовская 18.

штамп: Харьков. 26.1.09.

черными чернилами: «получ. 1909.29.1.»

6

Дорогой Павел Александрович!

С живейшей радостью и каким-то душевным подъемом читал я Ваше письмо: как-то определенно ярко почувствовалось, что в Вашем лице Бог посылает мне то, без чего я давно уже живу,— близкого по духу человека, с которым я могу поделиться многим таким, что я по примеру Траянова брадобрея [1], мог поведать лишь природе бессловесной — остальное было бы близко к этим словесам.

А тут Вы еще собираетесь, и в недалеком будущем, навестить меня. Как это хорошо! Вы как бы почуяли (как и во многом другом — в наших душах как бы одновременно звучит то же настроение, та же мысль, тот же замысел),— что мне в скором времени навестить Вас будет трудно (при свидании Вы это яснее увидите), а меж тем, свидеться нам важно, даже необходимо.

Я все никак не могу обрасти жизнью так, чтобы она совсем сдавила книзу * «крылья юности», к прискорбию, они все чаще опускаются, но через время вновь оправляются и подымают хотя на вершок выше обыденщины и этого пока достаточно, чтобы не потонуть в ней. Вот тут-то Ваша помощь, поддержка дружеской, любящей руки, которой дороги и важны те же интересы, те же запросы, чрезвычайно важны. Планы работы, которых Вы ожидаете от меня, набросаны, частью даже развиты, но... крылья мои держатся расправленными всякий раз все более короткий срок.

«Теория словесности» [2] во мне более созрела в схеме и именно в том направлении, даже во внешней оболочке, как она Вам представляется. Быть может, не так уж далеко время, если Бог благословит, что я устремлю на нее свои «напады» мысли.

Что до 3-й части,— года два назад она начала было у меня выливаться в такую форму: «Жизнь слова (популярный очерк из области синтаксиса, теории словесности и философии литературы).— Для высших женских курсов и самообразования», но,— или я ленив становлюсь, или разные неблагоприятные условия исподволь своим твердым буравом высверливают душевные силы,... дело далеко не ушло, замерло на нескольких общих положениях. Потому надежд на опубликование такой работы в близком будущем почти нет. А, быть может, с Вашим приездом я помолодею, воспряну духом... Приезжайте, буду ждать Вас с великой радостью. Дай Бог Вам сил в Ваших работах. (Кстати, приступил к чтению их в хронологическом порядке с живейшим интересом.)

За отзыв в «Бог.(ословском) Вестнике» [3] примите горячее спасибо. Я считаю Вас одним из тонких специалистов по глубокому проникновению в сущность вопроса. Придаю Вашему отзыву огромное значение.

Посылаю и я свою карточку, правда, давнюю, но схожую: я сниматься не люблю, только в экстренных случаях.

Благодарю за присылку карточки. Удивительно, что я Вас заочно представлял себе подобным [4].

Ваш А. Ветухов

P.S. По вашему доброму совету послал «Грамматику» г. Троицкому 5 и Ягулову. (Гехтману послал раньше), а также в кн. маг. Елова 10 экз.

А.В.

* Это вроде Вашего «беспередышки», тут мы с Вами являемся новаторами; по академическому словарю писать бы «без — передышки», а я подобные слова пишу слитно... (нрзб).

(Знаки в письме А.В.— *С.Ш.*)

на конверте: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул. д. Ивойлова.

штампы: Харьков. 7.3.09.
Сергиев Посад. 9.3.09.

черными чернилами: «получ. 1909.3.9. Серг. Пос.»

7

1909.III.28.

Христос Воскресе!
Дорогой Павел Александрович!

Не знаю, как на Вас, а на меня страстные богослужения всегда производят глубокое впечатление: в это время в жизнь мою, исполненную шума, хлопот, беспокойств, врывается полоса глубочайшей тишины; с вечера пятницы мною ощущается даже, будто и городской шум спадает, жизнь как будто затаивает дыхание. Это лучшие дни моего душевного отдыха, хотя, правда и почти совершеннейшего упадка творчества и предприимчивости. Душа как бы выпрямляется из своего согбенного в житейской суете положения и свежеет так, что Светлый праздник поистине приходит светлым. Всем сердцем желаю и Вам такого настроения, такого света в душе. Глубокое спасибо скажу Вам за Ваши «Корни идеализма» [1] — отрадное явление и вообще, и для меня лично, начиная с трогательного посвящения. Это — слово = дело. Это — тот путь, по которому должна пойти научная мысль, наука, если хочет быть равноправной, равноценной с поэтическими приемами проникновения вглубь, в толщу жизни; если хочет становиться достоянием народа, а не группы (иногда до крайности малочисленной): о диссертации, например, одного из харьковских профессоров математики говорят, что его работу понимают во всей Европе лишь несколько человек (!) Конечно, путь этот необыкновенно тяжелый, требующий напряжения всех душевных сил (и я теперь совершенно понимаю Вас, когда Вы говорите, что лекции почти всецело поглощают Ваше время; Да, читать такие лекции — это продумывать — и в деталях притом — целые диссертации). Разумеется, в такой работе человек быстро сгорает. Но, на мой взгляд, лучше сгореть быстро, светя людям впотьмах разыскивающих насущное, чем долго и усердно коптить. Да и «Благодать восполняет оскудевающее».

Дай Бог Вам, дорогой, устоять на этой дороге. Моя мечта, чтобы таких сеятелей было побольше. Моя личная радость, когда жизнь меня сталкивает с таким человеком. Б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, вследствие такого глубинного духовного родства, Вы, принявшись за обследование вопроса как будто далекого от того, что меня долго тревожило, начинаете с разбора той же сущности, через которую и я не мог перешагнуть, и, не зная еще тогда моей работы, говорите чуть не буквально то же по основному вопросу. Знать недаром нас свело Провидение: вдвоем уже бодрее и легче идти, хоть и по тернистому пути.

Желательно бы Вашу вступительную лекцию пустить в широкий оборот, несколько б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, переработав и подправив некоторые типографские недочеты: она направляет нити мысли по широким и глубоким путям.

Пишите. А.В.

на конверте: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул. д. Ивойлова.

штампы: Харьков. 29.3.09.
Сергиев Посад. 30.3.09.

черными чернилами: «получ. 1909.04.4.»

8

1909.IV.16.

Дорогой Павел Александрович!

Ваше продолжительное молчание начинает тревожить меня. Уж не приключилось ли, храни Бог, с Вами чего недоброго? Перед Пасхой я написал Вам письмо, и на него в ответ ни слова. Если недосуг, черкните в мое успокоение открытым два-три слова. Сейчас и я очень занят, но дольше тяжело было быть в неизвестности.

Ваш А. Ветухов.

на конверте: Сергиев Посад Московской губ.
Его Высокородию
Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская, д. Ивойлова.
от А. Ветухова.
Харьков, Лермонтовская 18.

штампы: Харьков. 16.4.09.
Сергиев Посад. 20.4.09.

черными чернилами: «получ. 1909.04.20. Серг. Пос.»

9

1909.IV.26.

Дорогой Павел Александрович!

Любовью, истинным, бескорыстным расположением ко мне людей я в своей строгой, почти суровой жизненной школе не избалован. Потому б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, во мне быстро развивается какое-то, странное для стороннего глаза, чувство близости, привязанности, влечения к тем, в ком горят для меня эти лучи душевного тепла. Вот и Ваше долгое молчание вызвало во мне тревогу, смятение в душе моей, уж не приключилось ли с Вами чего, я не мог долго молчать в тревожном ожидании, и теперь, вижу по письму оторвал Вас от горы дел, придавившей Вас.

Спасибо, что не сетуете на меня за это. С нетерпением жду Ваших брошюр, особенно «Опыта современного жития» [1]. Вопрос о том, «как святость преломляется в повседневности» (прекрасное выражение), очень давно меня занимает, даже волнует, если хотите, т. к. с этой полосою мыслей у меня связано немало личного. Если Бог даст нам свидеться этим летом, побеседуем: в личном обмене мыслями — чувствами легче поддаются выяснению эти настроения, эти волны мыслей часто за гранями слов.

Б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, Ваша работа осветит для меня кое-что такое, к чему я пытался подойти ощупью, в потемках. Вы можете себе представить, как меня радует кипучесть Вашей духовной работы, и в таких областях, которые как будто совсем далеки и от современности, и даже от жизненности, а меж тем, без них «не дышится». Частица Вашего подъема как-то переливается и в меня, ширит и окрыляет мои замыслы.

Храни Вас Бог!

Ваш А. Ветухов

P.S. Сегодня узнал, что в «Ж.М.Н. Просвещения» [2] появился отзыв о моей «Грамматике», говорят, сочувственный,— сам еще не читал.

А.В.

на конверте: Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул. д. Ивойлова.
от А. Ветухова.
Харьков, Лермонтовская, 18.

штампы: Харьков. 27.4.09.
Сергиев Посад. 28.4.09.

черными чернилами: «получ. 1909.04.29. Серг. Пос.»

10

1909.VI.6.

Дорогой Павел Александрович!

Спаси Вас Бог и за письмо Ваше и за присланные книги: «Соль земли» и отзыв о моих «Начатках» [1]. Знаю, я чувствую себя все более и более близким Вам: душа тянется к Вам,— я прямо заждался весточки от Вас, хотя и знал, что в эту пору Вы должны донельзя быть заняты, а все-таки как-то томился. И вот какая радость; Ваше намерение свидеться со мною осуществляется в недальнем времени. По разным обстоятельствам я на каникулы не уеду из Харькова, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, только на неделю-другую буду отправляться за 2—3 станции в недавно (19 мая) открытую 3-ю школу для глухонемых (я кажется, не успел Вам написать, что этим обездоленным отдаю часть своих досугов) [2].

Поэтому сообщите в свое время день Вашего прибытия в Харьков, и мы свидимся. В два вечера я внимательно (насколько позволяла моя усталость после напряженного учебного года) и в некоторых местах с умилением (даже до слез) прочел Вашу «Соль Земли». А вот сегодняшний вечер, несколько поостыв, исполняю Ваше желание и пытаюсь отметить в ней недочеты, правда, весьма маловажные, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, потому, что важных и нет, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, потому, что критика вообще — не мой жанр, особенно относительно произведений, которые на меня произвели сильное впечатление. Не взыщите,— чем богат, тем и рад.

Полагаю, что вы предназначаете свое «Сказание» не для «интеллигенции» ученой, потому следует пояснить слово «авва» тотчас же, как оно появляется в тексте, т. е. на с. 11 вместо 24. Пожалуй, и «парамант» на с. 8-ой пояснить бы. На с. 33 стр. 9-я после слова «Варнавою» пропущена запятая. На с. 59 стр. 11-я снизу и на с. 7: (6-я снизу) не совсем обычным мне представляется выражение «погода завивала»). На с. 61. (стр. 15 снизу) опечатка — «светопредставление». Необходимо опустить на с. 63 (стр. 3—4 снизу) слова, «а из седых... вшей» — дисгармонирующие со всем нежно-высоким стилем «Сказания» и на с. 69 (стр. 6—9 сверху) «геморрой, понос и кровотечение». На с. 65 (стр. 15 снизу) я бы писал более обычное «театре». Не совсем обычно для меня слово «ускорили» на с. 68 (3-я стр. сверху). Опустил бы я и слова «изорванную... употребления» и на с. 70 (стр. 10—11 снизу) — б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ яснее в последней строке с. 71: «Исидору». Заменил бы я и слово «объярыщилось на с. 75 (7—8 снизу). На с. 75 (предпосл. стр.) опечатка «приубрали». Не совсем ясна выноска на с. 79 — «услышу»: множ. число здесь отнюдь дела не портит. Вот и все.

Общий тон и стиль прекрасный, но «Сказание» будет понятно, найдет торную дорогу в глубины души лишь тех, кто по личному опыту хотя несколько знаком с явлениями этого рода, для прочих (исключая, быть может, пожилого простолюдина), многое необыкновенно трогательное своею простотою и непосредственностью будет казаться странным, даже смешным. Но сердце Вам подскажет, что во всяком случае это не требует переделок и изменений.

Для меня лично Ваша «Соль земли» осветила кое-что такое в подвижничестве (которое я наблюдал, проживая неоднократно в монастырях), пред чем я становился в тупик.

Личность Вашего любимого старца вызвала во мне живейшим образом (некоторыми сходными чертами духа и даже внешним обликом) воспоминания о близком для меня и высоко, до обаяния, чтимом мною человеке — моем дедушке по матери, ныне покойном. Под свежим впечатлением его кончины я написал в свое время заметку в местный журнал

«Вера и Разум» под заглавием «Поразительная кончина протоиерея отца Георгия Попова», но редакция по каким-то соображениям изменила и заглавие, и опустила бо́льшую часть статьи, поручив кому-то заполнить образовавшуюся вследствие пропусков бессвязность. Посылаю Вам эту брошюру, имя составителя коей известно лишь редакции, да самым близким мне людям: что принадлежит мне, увидите по стилю [3].

За Ваш лестный, полный деятельной любви, отзыв о моих «Начатках» — сердечное спасибо. К сожалению, еще не приспело, видно, время проникновению этих идей в школу, т. к. Мин. Нар. Просв.[4], несмотря на хорошие сочувственные отзывы даже в «Ж. Мин. Нар. Просвещения» [5], признало «Начатки» для учебных заведений непригодным, хотя книжка расходится (почти тысяча экземпляров).

Виды глагольные меня очень интересуют и очень важны для начатой мной работы о безличных предложениях, но это вопрос оч⟨ень⟩ мало разработан. Если у Вас что-либо о видах семитских языков, пришлите.

Пишите. Ваш А. Ветухов.

Неужели я не исправил в присланном Вами экземпляре досаднейшей опечатки — «тападают» вместо «отпадают»? Какая досада.

на конверте: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул. д. Ивойлова.
от А. Ветухова
Харьков. Лермонтовская, 18.

штамп: Харьков. 7.6.09.

черными чернилами: «получ. 1909.06.9. Серг. Пос.»

11

1909.VI.15.

Дорогой Павел Александрович!

Храни Вас Господь за ту огромную нравственную духовную поддержку, которую Вы оказываете мне и тому делу, которому я отдаю intima [1] своей жизни. Полагаю, что не специалист говорит во мне, когда мнится, что в совершенном знании и владении родным языком «весь закон и пророцы висят», что вся наука должна ити — такое написание Потебня считал правильным — к этой цели прежде всего, а прочая «приложатся».

Ведь как это ни странно, а теперь нередко приходится встречать людей, окончивших среднюю школу, а иногда, увы, и высшую, стоящих по своему общему (в широком смысле развитию) ниже такового иногда не грамотного мужичка деревенского. Как будто абсурд, а жизнь по-своему переоценивает наши ценности.

Да, вот и Вы,— руками и ногами отмахиваетесь, будто Вы не лингвист, а меж тем все Ваши исполненные работы и подготавливаемая в данный момент («частушки») [2] и задуманные — набрасываемые с головою окунаются предварительно в живой поток народной речи и, как детишки в жаркий летний день, долго не хотят расставаться с этим привольем.— А вот я очень далек от математики, а меж тем не далее, как 3—4 недели назад был обуреваем,— как это ни странно, аналогичными с Вашими мыслями о влиянии логики (формы мысли, языка) на математику.— Думается, что оно иначе и быть не может для всякого, отдающегося науке глубинами души, когда совершенно заброшены думы о карьере на этой почве, счеты с мнениями авторитетов, влияния партийности и проч⟨ие⟩ черви, источившие истинную науку, ведущую непременно к Богу.

Какая жалость, что Вы не набрасываете приходящих Вам в голову мыслей и планов работ хотя самым беглым образом! Не забывайте, дорогой мой, что в другой раз многого из этого Вы не вздумаете, а главное, той непосредственной формы не дадите.

Примите мою горячую благодарность и за Маркова [3], и за возможные указания исследований о семитских языках.— Передайте мой искренний привет Сергею Семеновичу Троицкому [4] (по адресу сужу, что Вы у него проживаете некоторое время),— что же он умолк, не пишет более мне?

Если свидетесь с Г. Н. Гехтманом (на днях получил от него очень милую трогательную открытку) и ему передайте мои лучшие пожелания. Жаль, что Вы раздумали ехать в Кострому. Б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, еще успеете написать, а то — до дальнейшего свидания?

Любящий Вас А. Ветухов.

(Конверт не сохранился.)

12

1909.VIII.15.

Дорогой Павел Александрович!

Открытку Вашу получил 30 июля, т. к. в то время проживал в глухом хуторе — школе глухонемых и поэтому не мог даже телеграфировать, что буду ждать Вас с нетерпением и решил ждать до сегодняшнего вечера, предполагая, что в пути Вас что-нибудь задержало. И вот сегодня получаю Ваше необычное по тону и духу письмо. Избави Бог Вас, дорогой мой, помыслить о том, чтобы бросать свою научно-воспитательную деятельность! Что было бы, если бы соль вздумала помыслить: зачем я стану киснуть в квашеной капусте, огурцах и пр., зачем я стану растворяться и кипеть в котлах,— пойду-ка я лучше землю удобрять?!

Нелегко теперь вообще живется истинно-ученой братии, а юному студенту, всей душой тянущемуся к свету истинной, незагрязненной привходящими в нее, в последнее время особенно мутными потоками, науки — каково?!

Пожалейте таких, их, право, немного, да стоят они много. У Вас все данные (это я более «чую», чем знаю, а этому «чуянью» я доверяюсь более, чем своему знанию,— чуянье меня роднит с людьми неведомой силой), для того поста, на который Вы поставлены волей Божией: грешно его покидать!

Мужайтесь и держитесь, хотя бы это требовало подвига. Да памятуйте обо мне: немного будто прожито, а много пережито. Руки мои духовные чуть держатся у науки, уйдете Вы и вовсе опустятся. В Вас я зачуял большую духовную опору: свидеться нам необходимо, но мои узы вряд ли скоро отпустят меня к Вам. Потому Ваше твердое желание провести со мной хотя денек, когда сойдутся праздники, несказанно порадовало меня.

Ведь Вы еще начинаете жизнь,— Вам легче поднимать ее тяготы, да и на мысль, творчество чистое — какие же могут быть наложены оковы? Их могут не понимать, не разделять, наконец, отвергать и гнать, но не уничтожать. Не надо только расстраиваться: всякий инструмент сам собою расстраивается, но отнюдь сам собою не настраивается. А нас кто же будет настраивать, как не мы сами, (а это нелегкое дело), да милосердный Господь.

Нет, славный мой, пусть оживет в Вас поскорее та дивная гармония духа, которая чаровала меня в Ваших письмах.

Храни Вас Господь.

Ваш А. Ветухов.

P.S. О времени своего приезда известите хоть за два-три дня, чтобы мог освободиться, т. к. и праздники принадлежат не вполне мне.

А. В.

на конверте: Сергиевский Посад. Московский губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская ул. д. Ивойлова.

штампы: Харьков. 17.8.09.
Сергиев Посад. 19.8.09.

черными чернилами: «получ. 1909.08.19. Серг. Пос.»

13

1909.X.1

Дорогой Павел Александрович!

Тяжело мне так долго не иметь от Вас весточки: больше месяца нет ответа от Вас. Неужели Вам так тяжко? Не может быть, чтобы Ваш высокий дух так поддался внешнему бремени! Стряхните его, ведь мысль Ваша, Ваша истинно учебная работа не м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ скована ничем,— она свободна.

Храни только Вас Господь — покинуть науку и Академию — это Ваш пост, Ваш долг, и нет у Вас нравственного права покинуть его во время смятения духа.

Подкрепи Вас Господь! Более не стану Вас терзать, но прошу хоть два слова написать.

Горячо любящий Вас А. Ветухов.

на конверте: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул., д. Ивойлова.
от А. Ветухова
Харьков. Лермонтовская ул. 18.

штампы: Харьков. 2.10.09.
Сергиев Посад. 4.10.09.

черными чернилами: «получ. 1909.X.4. Серг. Пос.».

14

1909.X.23.

Дорогой Павел Александрович!

Между мной и Вами, очевидно, существует какое-то особенное духовное тяготение: вчера я собрался писать Вам открытое письмо с оплачиваемым ответом (т. к. на два предыдущих Вы не отвечали), чтобы узнать, уж не больны ли Вы, что так долго молчите — как вдруг приносят Ваше письмо, так сильно порадовавшее меня. Я все время под влиянием Вашего предпоследнего письма, пребывал в трепете сердечном: что если вздумаете Вы бросить Академию и свою научную деятельность! Ведь это было бы нечто ужасное; ведь теперь так мало истинных делателей науки...

И вдруг читаю, что Вы уж теперь ни в коем случае от нея не уйдете. Слава Богу за все!

Я имел счастие видеть одного «кроткого богатыря» — Потебню, а теперь привел Бог видеть зарождение другого. Ведь тоска-то Ваша, дорогой мой, от того, что силы прибыло, а приложения она еще не нашла. Ведь наука — только та, которая живет и дышит поэтическим размахом, а иначе, она и в вершинах — лишь дивное, тонкое ремесло. Да и все, милый мой, на свете, если живет полной жизнью, то лишь при наличности поэзии, вдохновения, порыва, подъема. Вот теперь пытаются, и не без основания, «омолодить» состав армии, чтоб использовать и здесь героические замашки юности. Пока мы ищем «пуп» земли, чтоб, взявшись за него, землю повернуть, мы могучи, растем духовно. И дай нам, Господи, почаще и подольше быть «гимназистами 4—5 кл., а то и помоложе» ...А что до «культуры» современной, то я, хотя и не в одной седмице с Вами, а родич близкий Вам: тоже считаю ее хищной, но потому, что она все дальше уходит и уводит за собой толпы от Христа и истинной науки, «долженствующих стоять» между собой в теснейшей связи и порождающих, к сожалению, только очень редко, «кротких богатырей». Но cuiopce suum [1] — культура создает для многих на земле счастье, хотя скоропреходящее и тленное, или по крайней мере довольство, самоуслаждение и проч.

Неужели Вы думаете, что Всевышний мог кого-либо обидеть, обделить. По моему, быть

может, странному и смешному (потому я и не делился им с другими: ведь посмеются над глубинными чувствами!) убеждению — все люди по совокупности в них даров Божиих равны: у одного много здоровья физического, а у того — духовного. Одному дано довольство малым, а тот жаждет «богатырских подвигов» и терзается; культура много дает ч-ку (человеку.— *С. Ш.*), но многое и отнимает...

Не долюбливаю я, признаться, нашу внешнюю культуру: ведь эти автомобили, телефоны, трамваи — все эти способы угашения духа, принижения индивидуальности и связанной с нею талантливости и гениальности.

Ну вот, и о себе наговорил Вам немало. А работы идут туго: много было неблагоприятных обстоятельств, но о них в другой раз. Понемногу зреет теория словесности [2], потихоньку движется перевод Мансикка [3].

Пишите.

Горячо любящий Вас А. Ветухов.

P. S. В издание Жихарева загляну [4]. В Сборн. Свед. о К-ор. [5] заглядывал давно. Да вряд ли до лета буду иметь к этому возможность. А за содействие дружеское спасибо.

А. В.

на конверте: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
Флоренскому.
Петропавловская ул., д. Ивойлова.

штамп: Харьков. 24.10.09.

черными чернилами: «получ. 1909.X.27».

15

1909.XII.24.

Дорогой Павел Александрович!

Не могу не написать Вам хотя несколько строк в канун великого Праздника Рождества Христова, чтобы поздравить с ним и от всей души пожелать и Вам в этот наступающий день возродиться душой и воспрянуть духом.

Как хочется вновь слышать Вашу своеобразную, задушевную, брызжущую волной горячей любви, речь!

Оживайте, дорогой, и вновь за работу,— ведь ея такая уйма, и такой нужной, важной. А работников...

Ваш душой А. Ветухов

на конв.: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул., д. Ивойлова.
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская, 18)

штамп: Харьков. 25.12.09.

16

1910.III.7.

Дорогой Павел Александрович!

Вот уже несколько раз было так со мной за время нашего непродолжительного и все еще, к сожалению, заочного знакомства, что когда я начинал усиленно думать о Вас и тревожиться о Вас, всякий раз получал от Вас весточку в той или иной форме. Так было и в последний раз — перед присылкой Вашего отзыва о студенческой кандидатской работе [1],— кстати сказать,— прочитанного мною с большим интересом, хотя и с большой примесью какой-то эгоистической радости. Дело в том, что в этом отзыве я с яркостью увидел Вашу нелюбовь, даже отвращение органическое, пожалуй, к так называемой современной модной теории эволюционного развития литературных заимствований и т. д.

До сих пор я чувствовал себя в этой области одиноким, в более раннюю пору своей деятельности это очень тяготило меня и закрыло, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, дорогу нескольким работам, назревавшим, но раздавленным в цвете мощной волной противного модного течения; в более позднюю эпоху я махнул на эти мнения рукой и пошел по-своему. И вот ныне душа моя взыграла, читая, *что* Вы заповедали г. Наумову, а в его лице и целому поколению молоди научной. Авось ей удастся сбросить эти тесные кандалы мысли, заковывающие нашу самобытную деятельность научную, ведущие ее под иго чужеземной узости. Спасибо, друже духовный; оправляйтесь поскорее от своих «климактерических» воздействий и взмахивайте пошире крыльями. Они у Вас мощные: грешно их долго держать сложенными!

С большим удовольствием прочел и еще одно место, отрезвляющее наше юношество, предохраняющее его от увлечений порнографическими течениями современной нашей литературы: «на дне кубка половой старости явно обозначается тлетворный дух смерти».

И эту Вашу заметку, как другие, следовало бы переделать для отдельной статьи о культе Диониса — в ней разбросано много глубоко-интересных мыслей, тонких замечаний, и все это — на лету, вскользь, между строчками порой, а меж тем — они весьма ценны. А без оправы наша публика и перлов не признает.

Живите счастливо, а если душа отдохнула — напишите. В скором времени пришлю Вам кое-что.

Ваш душою А. Ветухов

на конв.: Сергиев Посад. Московск. губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская ул. д. Ивойлова.
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская, 18)

Штампы: Харьков. 8.3.10. Сергиев Посад. 10.3.10.

черными чернилами: «получ. 1910.03.10».

17

1910.IV.6.

Дорогой Павел Александрович!

Как обрадовало меня Ваше письмо — после такого долгого срока молчания, да еще такого тревожного, столь беспокоившего меня [1]. Тотчас же хотелось засесть и написать Вам предлинный ответ, да «не так склалось, як угадалось». Последнее время я как-то киплю в работе: или ее больше стало, или я уже стареть начинаю, только сами видите, при всем порыве к Вам душою, более чем за неделю не нашел свободного получаса. Радуюсь всем сердцем, что тоска Ваша идет на убыль и Вы в состоянии «положить себе быть

бодрым». Дай Бог! Да, дорогой, не покладайте только рук, памятуйте слова мои — человека, глубоко Вас любящего и ценящего,— Ваша деятельность научная важна для оздровления нашей затухнувшейся во многих погребах и склепах научной мысли, для создания новых путей, самобытных, вне приевшихся чужих указок.

Ведь одно Ваше умение отстоять себя от натиска эволюционной теории, поработившей нашу науку,— огромное дело. Ведь вот хотя Ваш разбор студенческой работы — какой цельностью юного, нового миросозерцания пахнуло от него на меня [2]: и в каждой Вашей работе есть этот букет, есть это дыхание жизни. Нет, милый мой, не преувеличиваю я — как Вы хотите навязать то мне,— Ваших достоинств. Не в моем-то духе вообще, да и не новичок все же я в чтении разнообразных научных произведений. К тому же привык я полагаться на свое сердце-«вещун», забилось оно трепетно при чтении, значит есть там искра Божия!

А что Вам все кажется, что Вы мало знаете, так это лишь обычное следствие серьезного расширения кругозора; перемучился этим немало и я. Теперь уж стареть стал — спокойнее становлюсь. Как бы нам важно свидеться.

О Гулак-Артемовском я собирал сведения у проф. Сумцова [3], у архивариуса местного архива, к сожалению, еще не мог свидеться с внуком Г⟨улак⟩-А⟨ртемовского⟩, служащего в Харькове, когда от него, что узнаю, тотчас сообщу [4].

Был у меня его «Кобзарь», так один из учеников зачитал. Лично я о Г⟨улак⟩-А⟨ртемовском⟩, как математике, ничего не знаю.

Если будет какая-нибудь возможность, пишите хоть несколько слов.

Ваш душой А. Ветухов.

на конв.: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская ул. д. Ивойлова.
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская, 18)

черными чернилами: «получ. 1910.IV.9. Серг. Пос.»

штампы: Харьков. 7.4.10. Сергиев Посад. 9.4.10.

18

1910.IV.16.

Христос Воскресе!
Дорогой Павел Александрович!

Да будет душа Ваша в гармонии с тем Великим, Светлым днем, который уже наступит в то время, когда вы будете читать эти строки.

Пусть отойдут от нея навсегда смятения, ее угнетающие, пусть остаются и живут в ней лишь святые сомнения и тревоги! Будьте счастливы! И светлы духом! Больше этого, лучшего пожелать Вам не умею, да и не хочу: остальное приложится.

Отложите-ка, дорогой мой, на минутку все дела и тревоги, да напишите мне, до какого числа в июне Вы предполагаете проживать в Сергиевом Посаде? Жажду свидеться с Вами, отомстить Вам по-христиански за Ваш «пробег от меня» в прошлом году.

В начале июня, если не будет тормозов, предполагаю направиться в Питер на выставку учебников и курсы учителей, а проездом и к Вам заглянуть хоть на часок. Напишите, как это удобнее сладить. Да уже если приметесь за перо, черкните и Ваши мысли по поводу «Жизни слова» [1].

Вы знаете, что я их ценю и почему. Брошюра, кажется, быстрее «Начатков» [2] войдет в жизнь школы, вопреки моему и Вашему ожиданию: ее признают доступным (для 8-го класса) и хорошим конспектом. Зная, как вы задавлены работой, на печатную заметку не рассчитываю, хотя, конечно, очень желал бы появления таковой: а для само-определения, само-оценки, особенно, если придется дать 2-ое издание. Ваш письменный отзыв необходим: ведь это известного рода ответственный, общественный шаг б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ перед многими юными душами.

Не сетуйте на мою назойливость — не забывайте, что и Вы были в числе понуждающих меня к выпуску «Жизни слова».

Лично я ставлю «Начатки» неизмеримо выше, но, к сожалению, перед ними двери школы не раскрылись еще — тяжелы. Будем ждать — пока приспеет время.

Не забывайте горячо любящего Вас А. Ветухова.

на конв.: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул., д. Ивойлова.
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская, 18)

черными чернилами: «получ. 1910.04.19».

штамп: Харьков. 17.4.10.

19

1910.IV.21.

Воистину Воскресе! Дорогой Павел Александрович!

Мы с Вами как будто одним молоком вспоены: так много у нас оказывается духовной родственности. Вот и теперь в своем Пасхальном письме, которое Вы прочли, конечно, уже после отправления своего,— я говорю на ту же тему — о дилетантстве в науке — и по существу то же, что слышу от Вас по поводу Шлимана.

Правда, я и раньше касался этого вопроса, когда Вы пытались толкать меня на стезю этой «пережиточной» науки, официальной, с ярлыком, который очень часто придает вину цену и букет, коего в нем нет, который дает основание колосу, высоко поднявшему голову (сиречь — пустому) относиться свысока к тому, который «как улитка, жизни внутренней полна, пригнулся от избытка полновесного зерна».

Но до сих пор Вы все мне возражали вплоть до Вашего практического (отзыв о студенческой работе) отречения от своего преклонения (традиционного) перед наукой, которую мы с Вами считаем идеальной, своего рода — святыней,— все больше теперь уходящею в область «практики», а ныне это совершившееся Ваше отречение получает и свое теоретическое освещение.

Нечего говорить, что идеальная наука, пройдя через такое горнило, стала для нас чище, дороже, и заставляет не покладать рук в служении ей, несмотря на недосуг, на все невзгоды и тяготы жизни. И высокий, чистый звук от этой натянутой струны — к моей глубокой радости,— прозвучал еще в предыдущем Вашем письме, хотя и с ноткой грусти. Теперь эта «песнь торжествующей любви к науке» звучит у Вас уже мощными аккордами: — глубинную науку — Богопознания Вы пытаетесь вырвать из многочисленных пеленок, свивальников, десятков ненужных одежонок, в которые кутают и в летнюю пору многие из наших современных матерей своих ребят; меж тем как доступ к их телу непосредственно живого, живительного солнца и воздуха наилучшим образом растит их и лелеет.

Вы не можете представить моей горячей радости, глубокой, когда я, человек, решавший в минуты подъема духа даже не для всего себя, а лишь для глубины своей души вопрос о сущности религии и религиозности, и много раз содрогавшийся при мысли, скорее — при ощущении (тут мысль моя плохо меня поддерживала), что добываемые этим путем решения являются чуть не «еретическими»,— слышу из уст Ваших, человека, прошедшего большой теоретический и практический искус, многое, чрезвычайно родное, как будто свое... Слава Христу Воскресшему и животворящему. Да хранит Он и усугубляет силы Ваши на подвиг добрый: провести в жизнь Ваши основы миропонимания.

Весь Ваш А. Ветухов.

P. S. Сейчас возвратился из довольно большого собрания [1] духовных лиц всех рангов за частной трапезой и убедился из продолжения обмена мыслей по поводу кафедры аскетизма, как Вы глубоко правы в суждении об этом.

на конв.: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская ул., д. Ивойлова.
От Ветухова. Харьков, Лермонтовская, 18.

штамп: Харьков. 22.4.10.

черными чернилами: «получ. 1910.04.24.»

20

1910.VI.3.

Дорогой Павел Александрович!

Человек только предполагает, а Бог располагает. Буду проездом через Москву лишь во второй половине июня. Напишите, где будете в это время. Б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, удастся встретиться или съехаться. Раньше ответить не мог на Ваше письмо, т. к. только сейчас получил телеграмму, выяснившую вопрос.

Весь Ваш А. Ветухов.

Харьков. Лермонтовская, 18.

на открытке: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому.
Петропавловская, д. Ивойлова.

штампы: Харьков. 4.6.10; Сергиев Посад 6.6.10.

21

1910.VI.5.

Дорогой Павел Александрович!

Сейчас получил от секретаря выставки пренеприятное извещение, что выставка переносится опять на осень с. г., чем уже совершенно я лишен удовольствия свидеться с Вами, т. к. осенью я ехать не могу.

Быть может, Вам, дорогой, удастся пробраться в Харьков. Напишите в таком случае — когда, чтобы как-нибудь не разминуться, весь июнь и август буду в Харькове или окрестностях.

На июль предполагаю уехать в Пятигорск.

Ваш А. Ветухов.

на открытке: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская ул., д. Ивойлова.

Штампы: Харьков 6.6.10; Сергиев Посад 8.6.10.

22

1910.VII.24.

Дорогой Павел Александрович!

Пробыл две недели у брата, в глухом уездном городишке [1] — в аналогичных с Вами условиях жизни, и вполне ярко ощущаю Ваше настроение, прочитав сегодня, возвратившись, Ваше письмо. Да и насчет Вашего плана переустройства жизни скажу, что он мне не совсем незнаком: сходные гуманные облики мыслей бродили неоднократно и в моей голове. Мне все думается — б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, потому что уже стареть начинаю,— что в области истинной науки, чистого, возможно, беспримесного интереса к знанию в «науке для науки», при которой остальное приложится, не идет в последнее время вперед, скорее — вспять. И главное тому виною, на мой взгляд,— капиталистический строй нашей жизни, пропускающий постепенно свой яд во все intima [2] нашего организма (и физического, и морального, и духовного) и не только личного, а и национального. Я вот проживал в глухом местечке Полтавской губ., куда этот строй медленно пробивает пока дорожку,— сколько там еще в народе сохранилось душевной свежести, «искусства для искусства» — во всем житейском обиходе; не стану уж говорить о цветах, с любовью разводимых каждой «хохлушкой» у своей хаты, о раскрашивании изб внутри цветной глиной, глиной — в виде цветов — узоров, о вышивках на сорочках у старух, уже отнюдь не имеющих мысли — идеи нравиться другим; не говорю о росписных дугах, о прелестных узорах на гончарных изделиях и т. п.— даже «стайки» скошенного хлеба сложены особенно, с соблюдением эстетики; всюду вложен неизжитой, неиспитый погоней за рублем — «дух жив»; здесь еще много есть неподлежащего «купле-продаже». Ведь были когда-то у заурядного ч-ка (человека.— *С.Ш.*) сабля, лошадь и проч. «непродажное», потом оставались долгое время «непродажными» душа, совесть, честь и проч.

Так и наши εὔδοξοι [3] науки когда-то святыней считали свое дело, свое служение ей, готовы были за нее душу положить, а ныне... таковых все меньше; они становятся своего рода «последними могиканами», а в капиталистическом просторечии — простаками, чтобы не выразиться грубее. А ведь это — соль земли... Да и специально «духовные подвижники теперь за редкость, а уже где бы, кажется, не зреть пониманию сущности, смысла, назначения земной жизни, как не в оттишьях монастырских.

Нет, все захватил «телец златой» в свою власть. И мало кто задумывается, хотя на минуту над тем, приносит ли новый строй хотя материальное довольство...

Ну довольно, дорогой,— наговоримся, Бог даст, при свидании [4].

После 10 августа я буду в Харькове безотлучно, а до этого числа сам уеду за несколько верст.

Ни «частушек» [5], ни брошюр последних Ваших, к сожалению, не получал. Пришлите, пожалуйста. Хорошо было бы и С. С. Троицкого заполучить в Харьков. Он обещал, да чего-то давно молчит.

Ваш А. Ветухов.

на конв.: Ст. Желобово (Сызранско-Вяземской ж/д.)
В село Кутловы Горки В. М. Гиацинтову.
Для передачи Павлу Александровичу
Флоренскому
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская, 18).

штамп: Харьков. 22.7.10.

23

1910.IX.6.

Дорогой и милый Павел Александрович!

Горячее спасибо за присылку «Вопросов религ⟨иозного⟩ самопознания» [1] и «костромских частушек» [2], снабженных такими врывающимися в сердце надписями-письмами. Несмотря на острый недосуг, не могу удержаться, чтобы не прочесть,— с большим увлечением — двух первых «писем» [3], второе («Встречи») положительно подкупает своей ред-

кой непосредственностью. А во вторую ночь, освободившись от неотложно-неотвязных очередных работ, прочел залпом Ваше вступление к частушкам. Как хорошо, что Вы ставите и так ярко,— «ребром»,— столь насущные вопросы, зажигающие пыл мысли!

Храни Вас Господь и дай Вам побольше сил для обнародования хотя бы в таких ярких набросках и отрывках, как настоящие, того, что бьется в мысли Вашей неразрывно с биением горячо любящего людей сердца.

Ваш всей душой А. Ветухов.

Милейшему В. М.[4] передайте привет мой и лучшие пожелания. Пишите: это — моя утеха и поддержка нравственная.

А. В.

на конв.: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию
Павлу Александровичу Флоренскому.
Петропавловская ул. д. Ивойлова.
От А. Ветухова. (Харьков. Лермонтовская, 18).

штампы: Харьков 7.9.10; Сергиев Посад 9.9.10

черными чернилами: «получ. 1910.IX.9».

24

1910.XI.3.

Дорогой Павел Александрович!

Сейчас прочел ужасное известие. Неужели это он погиб, наш милый, незлобивый Сергей Семенович?[1]

Он, полный жизни, научных интересов, с горячим стремлением к серьезному самообразованию... и от шальной пули тупицы...

Так тяжело сердце заныло, захотелось броситься к кому-нибудь, поделиться, снять долю тяжести. И вот потянуло к Вам, к вашей нежной душе. Вы поймете... не пишется.

Помолимся об упокоении, а все мрак с души не уносится, не умеешь еще смириться сразу с неисповедимыми судьбами[2].

Ваш А. Ветухов

на конв.: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
Флоренскому
Петропавловская ул., д. Ивойлова.

штампы: Харьков 4.11.10; Сергиев Посад 6.11.10

черными чернилами: «получ. 1910.XI.6».

25

1911.III.24

Дорогой Павел Александрович!

Направил я под Ваше духовное содействие одного очень милого юношу К. А. Смирнова[1], студента местного университета — филолога, занимающегося вопросами философии на религиозной обоснове и потому как будто приходящегося «не ко двору» в университетской атмосфере. Да он и сам, кажется, стремится в Духовную Академию. Он выпустил брошюру

«Религиозные воззрения С. Н. Трубецкого» (Харьков, 1911) и по моему совету направил ее к Вам. Если найдется возможность, сообщите о ней свои «думы», а б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ и ему лично.

Если найдется минутка свободы, напишите и о своем житье-бытье, а то Вы совсем забыли обо мне.

Привет Вашей супруге.

Ваш А. Ветухов

на конв.: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
г. Флоренскому
Петропавловская ул., д. Ивойлова.

штампы: Харьков 25.3.11; Сергиев Посад 27.3.11.

черными чернилами: «получ. 1911.03.27. Серг. Пос.»

26

1911.IV.9.

Христос Воскресе!
Дорогой Павел Александрович!

В этот Светлый, Великий день шлю Вам и супруге Вашей лучшие пожелания — провести эти дни в ясной душевной тиши и умиления, повыше тревог и сомнений.

Ваш А. Ветухов

на открытке: Сергиев Посад. Московск. губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу
Флоренскому.
Петропавловская, д. Ивойлова.

штамп: Харьков.9.4.1911.

27

1911.IV.19.

Дорогой Павел Александрович!

Сердечно благодарю Вас за присылку Вашей «Дружбы» и за заметки о кандидатской работе г. Рубинского [1]. Все как-то за недосугом и тяготами житейскими не удается вслух (знак А. В.— *С.Ш.*) сказать того, чем исполняется душа при чтении большинства Ваших творений — живой, органической ткани всей Вашей психики.

Храни Вас Господь.

Ваш А. Ветухов.

на открытке: Сергиев Посад. Московской губ.
Его Высокородию Павлу Александровичу Флоренскому.
Петропавловская ул., д. Ивойлова.

карандашом: «получ.1911.IV.21.
штампы: Харьков 20.4.11.; Сергиев Посад 22.4.11

28

1911.X.10.

Дорогой Отец Павел Александрович! [1]

Долго-долго собирался Вам писать. Особенно сильно было желание побеседовать с Вами летом — по прочтении Вашего «излияния души» — иначе, лучше я не умею назвать Вашу «Дружбу». Давно уже я не читал с таким душевным подъемом, порою даже умилением, и все рвался написать что-нибудь хорошее, задушевное об этом Вашем творении. Ведь как жаль, что такие вещи остаются под спудом, упрятанным в мало распространенные органы!

Ведь там есть очень много животворного, целительного для изболевшихся, изнывших, изверившихся душ! — Но как-то не нашлось подходящих слов, соответствующей формы вспыхнувшему во мне настроению, а каникулы были у меня коротки.— Волна житейская подхватила и унесла мой порыв. А как бы хотелось дать ему исход!

Вот и теперь лежит передо мной уже много дней Ваша «София» [2] с трогательной надписью и манит к себе, а настроения подходящего (ведь Ваши создания можно читать только с известным подъемом) нет: время и силы разбиваются каждый день по мелочам, но без остатка.

Наконец мне стало тягостно не написать Вам хотя несколько благодарственных слов за все доброе, пробужденное Вами во мне.

Б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, и Вы найдете хоть несколько минут для меня и сообщите о себе весточку.

Прошу передать Вашей супруге мой привет.

Душевно расположенный к Вам А. Ветухов.

на конв.: Сергиев Посад. Московск. губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому
Петропавловская, д. Ивойлова.
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская, 18)

черными чернилами: «получ. 1911.X.14.»
штампы: Харьков 11.10.11; Сергиев Посад 14.10.11

29

1912.II.27.

Дорогой Отец Павел!

Вчера окончательно освободился от обязанностей присяжного заседателя,— теперь могу кратко ответить на Ваше милое письмо.

Сердиться на Вас за продолжительное молчание, разумеется я и не подумал. Написав Вам раза два и не получая ответа, я почуял, что с Вами опять творится что-то неладное, как это было и перед принятием Вами священства. Потому и не стал докучать Вам, терпеливо ожидая Вашего отклика.

В наших душевных организациях есть немало родственного: Ваши твердые слова: «я вовсе не желаю терять свою бодрость и свое святое»,— сильно поддержали мою изнемогавшую душу. Помните,— я писал Вам и говорил, что в своих научных работах я страшно одинок. А в своих духовных порывах — не только одинок, но и окружен почти врагами. Вы вот хотя в жене своей находите — поскольку я успел понять ее из слов Ваших и по личному впечатлению [1] — сочувствие и поддержку, а я ... самое разное противоречие и противодействие. Чувствуешь, как страдают от этого дети, а меж тем сделать ничего не в

силах, противное, меркантильное, исполненное постоянной лжи и сделок с совестью, течение — теперь столь модное и сильное,— каплями яда отравляет их чистые души...

Чем же они жить будут духовно? Где возьмут сил для борьбы с мерзостями житейскими... Порой, моментами руки опускаются в этой ужасной и безысходной борьбе. Но, слава Богу, какая-то высшая сила поддерживает мое слабое тело и дух не угасает окончательно. Работаю я не покладая рук.

Одно время у меня даже зрела мысль уйти в монахи, да опасение оставить детей в таких руках удержало меня. Да, кажется, это и с юридической стороны неосуществимо...

Вот Вам моя исповедь. Ведь Вы теперь — духовник и сохраните эти язвы моей души от глаза и слуха толпы, а, быть может, вольете в нее исцелительный бальзам. Ваша «Дружба» была отчасти таковым

Спаси Вас Христос. Живите хорошо и не забывайте сердечно любящего Вас А. Ветухова

P.S. «Безличные» мои залегли, т.к. проф. Грунский [2], ныне выпустивший исследование — (как докторскую диссертацию) — по истории русского синтаксиса, обещал в этом труде дать обзор изучения этого вопроса на психологической почве заграницей, но выполнил это в малой мере. А между тем в свое время я заложил свое исследование в далекий ящик, все ожидая этого исследования, которое, по предложениям и переписке с проф. Гр⟨унским⟩, должно было сильно расчистить путь моей работы и облегчить ее.

Теперь я жду с нетерпением лета, если мне удастся найти такое уединенное место на все каникулы, где бы я мог быть в полной неприкосновенности от житейских треволнений, то б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, с Божьей помощью и выполню эту работу.

Ваш план поездки в Элладу [3] вполне одобряю: мне самому почему-то мерещится, что там («должно» — слово зачеркнуто А. В.— *С.Ш.*) где-то, под спудом, должно храниться что-то хорошее, великое и чуткий глаз и сердце отыщут его.

Целую вашего сынка. Как его зовут? [4] Супруге Вашей — мой привет и лучшие пожелания.

А. В.

на конв.: Сергиевский Посад. Московск. губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому.
Штатная — Сергиевская ул., д. Озерова.

карандашом: «получ. 1912.3.1.»

штампы: Харьков 28.2.12; Сергиев Посад 1.3.12

30

1912.VII.31

Дорогой Отец Павел!

Как вовремя пришло Ваше письмо: вчера только возвратился в Харьков из поездки к родным в глушь самого глухого из наших уездов (Старобельского) [1], где пробыл около трех недель. Какая прелесть — эта тишь в природе и во всем окружающем, эта трогательная заботливость о полном твоем покое!

За это короткое время я настолько душевно посвежел, что сделал несколько набросков новых статей, между прочим: — о взаимоотношениях между языком и юриспруденцией (отчасти — естествознанием и логикой); — набросал мысли, приходившие «на воле», относительно языка с мировоззрением (современным гл⟨авным⟩ образом); — наметил канву рецензии на синтаксис Овс⟨янико⟩-Куликовского и Сакулина [2]; — пересмотрел свои заметки, относящиеся к 3-й части своей «трилогии» и убедился, что еще нет пока возможности (по кр⟨айней⟩ мере для меня) возрастить ее, но медленно она начинает прозябать [3]...

И еще кое-какие мелочи понаметил... Но время пролетело и, возвратившись домой, я как-то смутно почувствовал — (сердце как-то странно сжалось), что вероятно, этим наброскам не скоро быть обработанными. Ведь пишется все душой, сердцем, настроением, подъемом, а если для них среда — удушающий газ, то трудно пересилить себя.

Одно время я, испытав предварительно все средства повлиять на жену, жить как ей хочется, но не препятствовать влиянию на детей — просил ее отпустить меня в иноки, но она нашла это для себя невыгодным и воспротивилась, а ведь без ее согласия, кажется, этого сделать нельзя? А оставшись в миру, нельзя уже не считаться с вопросом о хлебе насущном, т. е. этим самым меркантилизмом, которым пропитана насквозь вся современная жизнь... Крылья опустились... И я кроме отчета о поездке на съезд по экспериментальной педагогике [4], (каковой выслал Вам, сколько помнится, своевременно, а если не выслал, сообщите,— вышлю тотчас), да еще мелких заметок, оттисков коих не делалось — рецензии на студенч⟨ескую⟩ работу на премию Потебни и о последних годах жизни педагогич⟨еского⟩ отдела Х⟨арьковского⟩ Ист⟨орико⟩-Фил⟨ологического⟩ Общества [5] так-таки ничего и не печатал. Унылый был год...

Спасибо сердечное за духовную поддержку, действительно, можно очень пожалеть, что нас разделяет довольно далекое расстояние: Вы бы поддержали меня малодушного.

Храни Вас и семью Вашу Господь и да поможет Он Вам, хотя и «медленно спеша» закончить поскорее Вашу работу; когда она обязательная в очень ⟨главном⟩ — это тяжело [6].

Любящий Вас А. Ветухов.

(конверт не сохранился)

31

1912.VIII.2.

Дорогой отец Павел Александрович!

Статью Вашу о службе Софии и отзывы о студенческих работах [1] получил, прочесть еще не успел, т. к. сегодня-завтра собираюсь выехать для отдыха из Харькова недельки на две-три в Старобельский уезд к родным, где с удовольствием и прочту Ваши работы.

Как-то тягостно только, что Вы столько времени не пишите ни слова о себе, это всегда меня тяготит, как предвестие чего-то неладного.

Если найдете свободную минуту — черкните словечко. Привет супруге, поцелуй чаду Вашему.

Душевно А. В.

на открытке: Сергиев Посад, Московск. губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому.
Штатная Сергиевская, д. Озерова.

карандашом: «получ. 1912.VIII.5. Серг. Пос.»

штампы: Харьков 2.8.12; Сергиев Посад 5.8.12

32

1912.VIII.31.

Да, дорогой отец Павел,

Ваше письмо поистине нежданно явилось для меня не только утешением и нравственной поддержкой в моем угнетенном, подавленном душевном настроении, но и как-то всего рвануло меня к работе, взбудоражило целый вихрь мыслей, и какой-то несказанной радости порыв, давно уже мною неизведываемой, подступил к сердцу и глаза наполнились какой-то горячей влагой.

Помолитесь, дорогой мой, чтобы эта волна духовного подъема не упала сразу, тогда

б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, я буду в состоянии и на сверхсильную, почти совершенно неодолимую теперь для меня работу. Хотелось бы подробнее узнать мнение «имечтителей» по поводу реальной связи слова с сущностью, которая для меня всегда была бесспорной, очевидной. И вообще, познакомьте меня поближе с этим течением. Летом, во время краткосрочного отдыха у меня летали «боязные» мысли о связи между языком и богословием, и я только некоторые из них закрепил.

Ваши милые предложения об издании моих статеек и сотрудничества в «Богословском Вестнике» чрезвычайно заманчивы, но по теперешней своей работоспособности в области высших движений духа боюсь что-либо обещать. Скорее всего могу давать мелкие рецензии, да и то, если будете присылать книги и для облегчения — указания, куда направить наиболее свое внимание.

Что касается грамматической троичности лиц, об этом я не встречал в печати ничего с интересующей нас точки зрения. Но вопрос мне по душе, и я буду искать на него исподволь ответа, а тогда поделюсь с Вами своими соображениями.— Посылаю Вам этой же почтой 16 своих брошюр и заметок [1]. Остальные имеются в одном лишь экземпляре, б. г., пробы пера, искания своего пути.

Не взыщите. Душевно любящий Вас А. Ветухов.
Привет супруге, сынка целую, желаю здоровья.

на конв.: Сергиевский Посад. Московск. губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому.
Штатная Сергиевская ул., д. Озерова.

карандашом: «получ. 1912.09.4.»

штамп: Харьков 1.9.12

33

1913.II.2.

Дорогой Отец Павел!

Не гневайтесь и не корите, что так долго не только не исполнил Вашей приятной и интересной для меня просьбы,— написать заметку о книге о. Соболева [1], но даже не писал Вам. Было так много тяжело-пережитого, о чем говорить не станем,— оно уже позади, что руки не поднимались ни на какую работу и я на долгое время был совершенно вышиблен из колеи.

Книгу о. Соболева я прочел тотчас по получении, наделал в ней тогда множество заметок, еще не предупрежденный Вашим письмом о необходимости возвратить ее; на будущее время прошу в таких случаях налагать платеж, я в н⟨ынешний⟩ раз прилагаю п⟨очтовыми⟩ марками 75 к., т. к. Вам там легче приобрести новый экз⟨емляр⟩ вместо испорченного мною; сделал несколько выписок, но...

«Человек лишь предполагает, а Бог располагает». Несколько очнулся я лишь в Петербурге, где провел все Рождественские праздники, посещал заседания по семейному воспитанию [2] (кое что мог бы дать о нем для «Богословского Вестника»), если укажете узенькие вопросы.

«Богословский Вестник» прошу выслать мне тоже наложным платежом, т. к. мое предложение выписать его для Харьк. Коммерч. Училища, к сожалению, не было принято. Там я еще раз,— после долгого перерыва просмотрел книгу о. С⟨оболева⟩ и набросал схему заметки. Однако настроение, прихода которого я всегда ожидаю для работы, не появлялось. На этих днях отец мой уезжает недели на две-три в Петербург и значит мой «воз» будет перегружен: на меня падет тяжелая и ответственная (сверхурочная) работа по ведению всего хозяйства и администрации по учреждениям попечительства о глухонемых. В виду этого я кое-как закончил свои заметки и посылаю их Вам (в неотделанном виде) для тщательного просмотра и редактирования. Если из них можно сделать что-либо пригодное, переработайте, исправьте, чтобы не пустить в обиход чего-либо недостойного

Вашего почтенного и мною очень уважаемого журнала; да и для меня это было бы неприятно. Если же это никуда не годится (я сейчас сам, как сказал выше, затрудняюсь себя оценить, снизойдите к этому состоянию и не посетуйте на меня), пришлите и укажите, что переделать или м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ эту затею пока совсем отложить, по крайней мере до возвращения отца?

Рукопись отправляю одновременно заказной бандеролью. Живите, дорогой мой, счастливо и деятельно.

Привет и лучшие пожелания новогодние Вам и Вашей семье. Напишите хотя несколько слов, да хоть иногда вспоминайте в своих молитвах о страждущем рабе Алексее.

на конв.: Сергиев Посад. Московск. губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому.
Штатная Сергиевская ул., д. Озерова.
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская. 18)

штамп: Харьков. 3.02.13; Сергиев Посад 5.02.13

34

1913.II.12

Дорогой Отец Павел!

Если мои заметки о кн. о. Соболева пойдут, пришлите корректуру — не задержу. Это — в дополнение к раньше отправленному письму и рукописи.

Храни Господь Ваши силы физические и духовные, их так много требуется расходовать.

Ваш А. Ветухов.

на открытке: Сергиев Посад. Московск. губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому.
Штатная Сергиевская, д. Озерова.

штамп: Москва. 14.2.13

35

1913.III.29

Дорогой Отец Павел!

Благодарю за присланные четыре книги «Богословского Вестника» (10 и 11 за 1912 и 1—2 за 1913), относительно двух первых я все ожидал от Вас известия, с какой целью они присланы.

Если в обычае это Вашего журнала, я просил бы изготовить хоть небольшое количество оттисков моей заметки: об этом меня уже просило несколько лиц.

Если Вам еще нужны мои заметки, присылайте подходящий материал к каникулам,— когда я более могу распоряжаться своим временем. Да при свободной минуте напишите хоть несколько слов.

Желаю Вам провести пост и встретить Великий праздник светлой торжествующей душой.

Храни Вас Господь.

Ваш А. Ветухов.

Лермонтовская 18.

на конв.: Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому
Редактору «Богословского Вестника».
Штатная Сергиевская, д. Озерова.
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская, 18)

штамп: Харьков 29.3.13; Сергиев Посад 31.3.13

36

1913.III.31.

Дорогой Отец Павел!

Совершенно неожиданно сегодня получил по переводу Редакции «Богословского Вестника» гонорар за свою заметку о кн. о. Свящ. Соболева. Расписку в получении номинальной суммы (23 р. 5 к.) гонорара прилагаю при этом. Конечно, при гонораре оттиски, если будут сделаны, д⟨олжны⟩ б⟨ыть⟩ отнесены на мой счет.

Если к Пасхе пришлете еще ч⟨его⟩- л⟨ибо⟩ для заметки, просмотрю охотно, а уж самую заметку сумею дать, вероятно, лишь для июньской книжки или дальнейших книжек.

Далее не решаюсь отнимать у Вас время. Прошу только при первой возможности написать хоть два-три слова.

Ваш А. Ветухов.

на конв.: Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому
Редактору «Богословского Вестника»
Штатная Сергиевская, д. Озерова.
От А. Ветухова (Харьков, Лермонтовская, 18)

штампы: Харьков 1.4.13; Сергиев Посад 3.4.13.

37

1913.V.14.

Дорогой Отец Павел!

Книга Погодина «Язык как творчество» [1] в то время, когда я получил Вашу открытку, уже лежала у меня на столе, и я помышлял, если управлюсь с нею, дать для Вас заметку о ней. Ergo [2], едино мыслим. Конечно, если желательна более пространная заметка — статья,— таковая раньше, как для августовской или даже сентябрьской книжки не может быть готова. Если это годится,— напишите,— тогда я буду читать ее, сравнивая кое с чем однородным.

Надеюсь, что летом Вы будете несколько посвободнее и хотя два-три слова напишете о себе. А пока я и не ожидал от Вас ч⟨его⟩-л⟨ибо⟩, кроме коротенькой открытки, т. к. в настоящее время и сам крайне завален работою, особенно осложнившейся в виду роста учреждений глухонемых, в одном из коих мы закончили храм в честь Вознесения Господня [3], и вот 19 мая нужно устроить его освящение, очень торжественное (с архиерейским богослужением), а потому весьма хлопотное.

Желаю Вам от души сил телесных и духовных для ведения Вашей ответственной полосы жизни.

Привет Вашей семье.

Любящий Вас А. Ветухов.

Лермонтовская 18.

P. S. Пр⟨иват⟩ доц⟨ент⟩ нашего унив⟨ерситета⟩ Е. Г. Кагаров [4] очень заинтересовался некоторыми Вашими работами, но стеснялся обратиться к Вам с предложением обмена. Не посетуйте, что я направил его обратиться непосредственно к вам.

А. В.

на конв.: Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокопреподобию священнику о. Павлу Флоренскому.
Штатная Сергиевская, д. Озерова.
От А. Ветухова. Харьков, Лермонтовская, 18.

черными чернилами: «получ. 1913.V.17».

штампы: Харьков 15.5.13; Сергиев Посад 17.5.13

38

1913.V.15.

Дорогой Отец Павел!

Примите мое горячее спасибо за «Апологию веры» [1]. В ней мелькают для меня ответы на некоторые существенные вопросы, возникавшие при изучении разных сторон языка и его жизни, а в частности — на один из вскользь брошенных (и не совсем мною понятых) в одном из Ваших писем.

Любящий А.В.

на открытке: Сергиевский Посад. Московск. губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому.
Штатная Сергиевская, д. Озерова

штампы: Харьков 16.5.13; Сергиев Посад 21.6.13.

39

1913.VI.9.

Дорогой Отец Павел!

Меня все более поражает Ваше глубокое понимание языка, его сущности, хотя Вы и не-филолог. А ведь сколько у вас «заправских» филологов, которым этих идей никак не вобьешь в голову!

Величайший интерес не только для меня лично, но и вообще, для дела, для привития этих взглядов в более широких кругах, имели бы наброски — как Вам удалось проникнуть в эти глубины, каковы постепенные стадии этого проникновения. Я впитывал их так ск⟨азать⟩ «с молоком матери» и потому мне трудно проанализировать и выделить отдельные моменты.

Что касается Бодуэн де Куртене [1], кстати сказать, давно уже у нас переделанного в «Болтуэн де К-э», мне думается,— в нем нет чутья языка, что сказывается и в его реформе правописания и склонности к искусственным языкам, претящим даже поверхностно знакомому с настоящим языкознанием; наконец, его порча Далевского словаря [2]— тяжкий грех...

Огромное влияние на культурное одичание,— как я рассматриваю современное понимание основ ч-ского («человеческого».— *С. Ш.*) духа (взаимоотношений языка и мысли) — находится по-моему в чрезмерном развитии и увлечении иррелигиозным естествознанием, вообще принижающим гуманитарные науки; так, на математическом съезде было отмечено компетентным лицом то удивительное явление — из наблюдений над историческим прошлым мысли,— что, когда высоко поднимается волна естествознания, падает вкус, интерес и понимание чистой математики. Хотелось бы слышать Ваше суждение по этому вопросу. Вообще волна утилитаризма — не на пользу высшим устремленьям духа. Погодина [3] потихоньку почитываю, быть может, Господь поможет что-то дельное сказать,— в голове многое бурлит, да удастся ли вылить...

Ваш А. Ветухов.

на конв.: Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокопреподобию священнику о. Павлу Флоренскому.
Штатная Сергиевская, д. Озерова.
От А. Ветухова. Харьков, Лермонтовская 18.

карандашом: «1913.VI.12. Серг. Пос.»

штампы: Харьков 10.6.13; Сергиев Посад 12.6.13.

40

1913.VII.25.

Дорогой Отец Павел!

С Божьей помощью удалось мне за три недели жизни «на воле» в совершенной тиши глухой деревни, у своего дядюшки, одинокого священника [1], передать на бумаге, согласно с Вашим желанием то, что приходило в голову при чтении книги проф. Погодина о языке. Вышло «широковещательно» и «многошумно», что и естественно, т. к. для сжатого и стройного изложения потребовалось бы значительно дольше прожить в такой обстановке, чему препятствуют многие обстоятельства. Прочтите тщательно, дабы в статье не осталось чего-либо недостойного тех великих идей, которым мы пытаемся служить по мере сил и, конечно, без стеснения вычеркивайте, что найдете и вообще неподходящим. А корректуру распорядитесь присылать мне, т. к. все же «всякое понимание есть вместе с тем и непонимание» и нужно сделать возможно больше «понимания», избегая недоразумений.

Если статья, после строгой Вашей критики, будет признана пригодной, пускайте в печать (прошу по примеру предыдущей — сделать оттиски) [3]; в противном случае рукопись прошу переслать обратно.

Что до второго Вашего «настояния» — привести в порядок свои заметки по философии языка и выпустить книгу «Язык и...», дело продвинулось очень мало вперед: успел сделать еще несколько набросков — отрывочных замечаний — в добавление к тому, что сделал в прошлом году в этой же глуши. Если удастся на будущее лето (на целое) попасть сюда же,— пожалуй, и эта работа наладится. Дома уж слишком суетно, и потому я вообще в последнее время почти ничего не пишу такого, где требуется подъем, «вдохновение».

Великое спасибо Вам, что поддерживаете во мне своими бодрящими словами и пожеланиями хотя в малой мере веру в себя, стремление хотя по временам и почти через силу, сбрасывать с себя тяготу — накипь жизни и хоть короткое время насладиться пребыванием в известной выси духа.

Живите счастливо всей семьей. Храни Вас Господь.

Любящий Вас А. Ветухов.

на конверте: Сергиев Посад. Московск. губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому
Штатная — Сергиевская, д. Озерова.

штампы: Харьков 25.7.13;

Сергиев Посад 1.8.13.

41

1913.IX.20.

Харьков, Лермонтовская, с. д.

Дорогой Отец Павел!

Ваши письма как-то всегда бодрят меня и приходят в такие моменты или точнее — полосы моей жизни, когда особенно чувствуешь себя придавленным ея тяготами и невзгодами. В последние годы я вообще живу какими-то вышними силами: для сна и физического отдыха у меня остается времени далеко меньше нормы, а уж о душевном отдыхе — и говорить нечего. Меж тем упований на меня, надежд, просьб со стороны разнообразных людей возлагается все больше и больше, так что даже жутко как-то становится, даже страшно за веру этих людей в мои, крайне скромные по существу, силы и уменья.

Не забывайте меня, маломощного и недугующего душою в своих молитвах, быть может, я и окрепну...

Тогда, быть может, я найду в себе силы сказать и сделать что-либо для Вашего детища — «Богословского Вестника». А пока я в нем читаю лишь то, что меня близко интересует, и совершенно не в силах обнять вниманием весь журнал. Разумеется, я приложу все силы, чтобы содействовать Вашей захватывающей задаче — собрать вокруг него «остаток верных».

Напишите в самых общих чертах, что бы Вам было наиболее необходимо из «мелочей», а я переговорю с местными и кое-кому напишу. Одного из таких Вы уже захватили: Е. Кагаров [1], недавно познакомившийся со мною и как-то быстро начавший сходиться, производит на меня самое приятное впечатление свежестью восприятий и любовью неподдельной к тому, чем занимается. Я ему немало говорил о Вас и советовал завязать научные связи.

Корректуру окончил, завтра отправлю. Одновременно высылаю 5 экз.— верхний с надписью — Вам, остальные — кому найдете нужным раздать, выпущенного мною в свет, по различным настояниям, учебника для 4-го класса [2].

Очень просил бы его поскорее и тщательно — критически просмотреть и сообщить мне свое мнение. М. Н. П. [3] предложена премия за такой учебник. (Срок представления его в министерство не позже 1-го ноября.) Она соблазнила ряд профессоров. (Я знаю одного харьковского, одного юрьевского) и они представили свои труды (не пуская их из опасения, д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩ конкуренции, предварительно в оборот.

Мне кажется необходимым поступить как раз обратно, о чем и говорю в предисловии: но обстоят⟨ельства⟩ задержали. И вот я хотел бы от Вас услыхать,— пускать ли в состязание свой учебник с профессорскими, стоит ли он того и что в нем желательно и необходимо поправить. А то-ведь можно случайно, в силу различных обстоят⟨ельств⟩, получить премию и т⟨аким⟩ о⟨бразом⟩ создать широкую рекламу, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ для совершенно негодной вещи. Этого я наиболее опасаюсь.

Любящий Вас А. Ветухов.

на конв. Сергиевский Посад. Московской губ.
Его Высокопреподобию
Священнику о. Павлу Флоренскому
Штатная Сергиевская, д. Озерова.
От А. Ветухова. (Харьков, Лермонтовская, 18.)

карандашом: «получ. 1913.IX.24».

штампы.: Харьков 21.9.13; Сергиев Посад 24.9.13

Комментарии

1

[1] Карский Евфимий Феодорович (1860—1931) — филолог, славист, по происхождению из духовного сословия. Образование получил в Нежинском историко-филологическом институте по отделению славяно-русской филологии. С 1894 года — профессор Варшавского университета по кафедре русского и церковнославянского языков. С 1916 года — академик Российской академии наук. С 1905 года — редактор «Русского Фил. Вестника».

Основные труды ученого: — Западно-русские переводы Псалтири в XV—XVII вв. Варшава, 1896.— Образцы кирилловского письма с X по XVIII в. Варшава, 1902.— Очерк славянской кирилловской палеографии. Из лекций, чит. в Варшавском ун-те. Варшава, 1901 и др.

[2] Имеется в виду труд А. В. Ветухова «Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Из истории мысли». Варшава. Вып. 1—2. 1907.— 522 с.

Эта обширная работа Ветухова печаталась на страницах «Русского Филологического Вестника» с 1901 по 1907 год из номера в номер, а затем вышла отдельным изданием.

В архиве А. В. Ветухова (ЦНБ ХГУ) сохранились черновые записи с упоминанием издания «Заговоры». Ч. 3. Вып. I.X.1933. Интересно, что есть и приписка «Издание Московского антирелигиозного издательства». Однако самой рукописи, как и самого издания, нет. Очевидно, оно все же из печати не вышло.

[3] У. Мансикка — доцент Гельсингфорского университета, многолетне изучал русские заговоры. Автор нескольких работ, как, например, «Представители злого начала в русских заговорах. СПб., 1909, публикации в журнале «Живая старина».

Его труд Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut und kerrenk ungssegeln». Helsingfors, 1909.— 316 с. издавался несколько раз.

А. В. Ветухов пытался этот труд перевести на русский язык. Однако этот замысел до конца не был осуществлен.

В 1915 году У. Мансикка работал в библиотеке Московской Духовной Академии в Сергиевом Посаде. Можно предположить, что он был знаком и с П. А. Флоренским.

[4] sint judiein libera (*лат.*)

[5] Речь идет о Московской Духовной Академии, где с осени 1908 года П. А. Флоренский начал читать лекции по истории философии.

2

1. **«Получил и начал читать «Столп и Утверждение Истины»...»**

Известны 4 редакции этого труда П. А. Флоренского:

— Столп и Утверждение Истины. Письма к Другу. М., 1908.— 163 С. Кандидатское соч.

— О Духовной Истине. Опыт православной теодицеи. Вып. 1—2. М., 1912—1913.— 534 с. Магистерская диссертация.

— Опыт православной теодицеи. Столп и Утверждение Истины.— 251 с. Защищена в качестве магистерской диссертации вне гл. «София».

— Столп и Утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в 12-ти письмах. М., Кн. изд-во «Путь». 1914.— 814 с.

Издания отличаются друг от друга: — составом глав и примечаний; наличием лирических вступлений или их отсутствием; смысловой и стилистической правкой основного содержания.

«Текстологическое сочинение 4-х редакций еще никем не проводилось»,— писал его биограф и внук, игумен Андроник.

Судя по дате письма, А. Ветухов мог читать либо первый вариант, либо публикацию глав «Столпа» в сборнике «Вопросы религии». Вып. 2. М., 1908.— С. 223—384. В этом издании было опубликовано 7 «писем», т. е. глав: «Два мира», «Сомнение», «Триединство», «Свет Истины», «Утешитель», «Противоречие», «Геенна». Книга «Столп и Утверждение Истины» принесла автору широкую известность, вызвав самые разноречивые суждения (от крайне восторженных и до оскорбительно-отрицательных).

В отзыве на кандидатское сочинение профессор С. Глаголев отмечал: «Отрадным фактом, свиде-

тельствующим о силе религиозной жизни, является сочинение Флоренского «О религиозной истине»... Его будут приветствовать все, кому дорога религия и для кого религия — не абстрактная только теория». И заканчивался отзыв словами: «Сочинение автора нуждается в развитии, в обосновании многих положений, в изменении деталей, но то, что автор уже сделал, является в высшей степени ценным вкладом в православную богословскую науку». («Богословский Вестник» 1909, № 4. С. 129—135.)

3

[1] **Потебня Александр Афанасьевич (1835—1891)** — украинский и русский филолог — славист, член-кор. Петербургской Академии Наук (1875), философ. Разрабатывал проблемы: язык и мышление, учение о «внутренней» форме слова, автор работ по фольклору, этнографии, общему языкознанию. Потебню по праву считали «самым крупным самобытным деятелем русской мысли и науки». Влияние его идей было глубоким и плодотворным для филологов и философов. А. В. Ветухова современники считали «убежденным потебнианцем».

П. А. Флоренский с большим вниманием, интересом и почитанием относился и к личности ученого, и к его творческому наследию, его идеям. В своих собственных трудах он неоднократно будет ссылаться на Потебню (см. «Столп и Утверждение Истины» и др.).

[2] Ветухов окончил историко-филологическое отделение Харьковского Императорского университета в 1892 году. Он был одним из последних учеников А. А. Потебни.

Кандидатское сочинение А. В. Ветухова называлось «Народные колыбельные песни». По рекомендации проф. Н. Ф. Сумцова оно было напечатано в журнале «Этнографическое обозрение», а затем вышло отдельным изданием (Х.1892).

[3] honoris causa (*лат.*) — из уважения к заслугам.

[4] *«... я ведь происхожу из родовитой духовной семьи»* — А. В. Ветухов происходил из семьи потомственных священнослужителей, причем как по отцовской, так и по материнской линиям на протяжении нескольких поколений.

Просмотр «Известий Харьковской епархии» с 1884 по 1916 год позволил установить следующее: — Михаил Ветухов (дед), заслуженный протоиерей епархии; — Василий Ветухов (отец), протоиерей, настоятель одной из крупнейших церквей Харькова — Николаевской, а по приезде в Харьков — законоучитель, первый священник построенной при нем Пантелеймоновской церкви на песках. Именно благодаря его усилиям и было закончено строительство этого храма. Отец и сын были строителями церкви Вознесения Господня близ Чугуева, в школе для глухонемых; — Петр Михайлович Ветухов (дядя), священник слободы Бахмутовка Старобельского уезда.

Алексей Васильевич не раз бывал в Бахмутовке. В 1893 году Ветухов напечатает брошюру «Говоры слобод Бахмутовка и Новой Айдары Старобельского уезда».

По материнской линии: — Гавриил Попов (прадед), священник слободы Алексеевка Старобельского уезда, храмостроитель церкви Николая-Святителя. Слобожане его почтительно и любовно называли «папашей-храмостроителем». В 1850 году отец Гавриил написал прошение на имя архиепископа Филарета с просьбой похоронить его вблизи храма, с которым практически была связана вся его жизнь. На прошении была поставлена следующая резолюция: «Добродетельного старца, когда Бог пошлет ему кончину жизни, похоронить в самом храме, о котором он столько пекся и для которого жертвовал трудами и собственностью».

Священник Гавриил Попов умер в 1867 году, за два года до рождения Алексея Ветухова. На посту его сменит старший сын Георгий — «любимый дедушка» Алексея Ветухова.

Георгий Попов (дед) проживет долгую и исполненную трудов жизнь скромного сельского священника, откроет церковно-приходскую школу для крестьян, достроит Николаевскую церковь, обновит иконостас. В память о глубоко-почитаемом отце он сына назовет Гавриилом, который также будет священником, законоучителем в Старобельске, проповедником, большим энтузиастом народного просвещения, заметной фигурой в уезде.

В 1893 году Алексей Ветухов издаст еще одну брошюру «Говоры слободы Алексеевка Старобельского уезда», как результат своих наблюдений за жителями села, куда он многократно приезжал гостить к деду.

О жизни его предков см. «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края. Под ред. В. В. Иванова. Изд. Харьк. Губернск. Статист. Комитета. (Сведения по Старобельскому уезду). Х.1898.

[5] intima (*лат.*) — самый глубокий, узко-личный, задушевный.

6. «Филологические записки» — (1860—1916). Воронеж. Журнал исследований, рассуждений, наблюдений и критики по русскому языку и словесности. Основан А. А. Хованским. Выходил 6 раз в году.

«Русский Филологический Вестник» — (1879—1917). Варшава. Издание Варшавского университета и учебного округа. До 1904 под ред. проф. А. И. Смирнова. С 1905 года под ред. проф. Е. Ф. Карского. Подзаголовок: «учено-педагогический журнал». Выходил 4 раза в году.

В объявлении редакция отмечала: «Предмет журнала — язык, народная поэзия и другая литература, литература славянских племен; — материалы и исследования, критика и библиография, научная хроника; — педагогический отдел».

С этим изданием А. В. Ветухов был связан многолетне. Его труды печатались на страницах журнала с 1893 по 1913 год и было им опубликовано более 10-ти работ; а самый главный его труд — «Заговоры, заклинания и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова» — печатался с 1901 по 1907 год в каждом его выпуске, прежде чем вышел отдельной книгой.

На страницах этого журнала печаталась и полемика по поводу другой его книги — «Начатки русской грамматики». Х.1909.

«Этнографическое обозрение» — (1889—1916). Периодическое издание этнографического отдела Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, сост. при Имп. Московском ун-те. Москва. Выходил 4 раза в год.

Во всех этих изданиях печатались работы А. В. Ветухова, лишь издание «Записки Харьковского Императорского университета» отказывало ему в этом.

7. Названия работ А. В. Ветухова, которые в первую очередь привлекли внимание П. А. Флоренского, достаточно красноречиво раскрывают круг тем и вопросов в этот период:

— Язык, поэзия и наука. Х.1892 (№ 6)

— О новой семантике М. Бреаля. Х.1899 (№ 12)

— Философские вопросы при свете языка. Варшава, 1899 (№ 13)

— Еще к вопросу о частицах и присловьях. Варшава, 1900 (№ 15)

— Из этнографических материалов по Харьковской губернии. Х.1905 (№ 20)

— Н. Ф. Сумцов как исследователь народного быта и культуры. Х.1905 (№ 21)

4

[1] **«...из моей брошюры...»—**

Очевидно, речь идет о работе А. Ветухова «А. А. Потебня: Умер 29.XI.1891». Варшава, 1898.— 59 с.

Брошюра содержала: список печатных трудов А. А. Потебни с указанием главнейших рецензий о них и популярных статей на те же темы; список напечатанных трудов А. А. Потебни; обзор статей, посвященных памяти А. А. Потебни.

Она представляла собой отдельный оттиск «Русского филологического Вестника», где была опубликована до этого.

Несколько лет спустя А. Ветухов подготовит и издаст еще одну брошюру: «Из воспоминаний об А. А. Потебне одного из последних его слушателей Р. И. Каширенинова» (ум. 24.06.1896). Х.1913.

Эта его работа явилась данью памяти не только учителю, но и сокурснику, с которым учился А. Ветухов.

[2] **«... Гехтман — мой современник по университету...»—**

В 1893 году Г. Н. Гехтман получил серебряную медаль за кандидатское сочинение по теме «Умственное движение на Руси в XVI в.» по окончании университета (см. Историко-филологический факультет Харьковского ун-та за 100 лет 1805—1905. Х.1908. С. 159).

Флоренский вместе с Гехтманом принимал участие в организации научного кружка, о чем он упоминает в своих воспоминаниях (см. главу «Обвал».— П. Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992. С. 243).

[3] **«...благодарю за Ваши брошюры...»—**

Можно лишь предположить, *какие* именно брошюры Флоренский послал в Харьков. Очевидно — оттиски ранних его статей:

— О суеверии.— Новый путь. 1903. № 8.

— Спиритизм как антихристианство.— Новый путь. 1904. № 3.

— О символах бесконечности.— Новый путь. 1904. № 9.

— Об одной предпосылке мировоззрения.— Весы. 1904. № 9.

— О типах возрастания.— Богословский Вестник. 1906. Т. 2. № 7—8.

— Вопль крови. М., 1906.

— К почести вышнего звания. Письма архимандрита Серапиона Машкина.— Сб. Вопросы религии. М., 1906. Вып. 1. С. 143—176.

— Вопросы религиозного самопознания. С. П. 1907.

— Антоний романа и Антоний предания.— Богословский Вестник. 1907. № 1.

— Радость навеки. С. П. 1907.

— Общечеловеческие корни идеализма.— Богословский Вестник. 1909. № 2—3.

— Космологические антиномии Канта.— Богословский Вестник. 1909. № 4.

— Пращуры любомудрия.— Там же.

5

[1] *«...так было и с грамматикой»*—

Имеется в виду работа над книгой «Начатки русской грамматики. Синтаксис и этимология». Х.1909.

Это издание сразу же обратило на себя внимание и педагогов, и критики. Оно дало повод для острой полемики. Так, на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения» дважды помещались на книгу Ветухова отклики, причем абсолютно полярные.

А. П. Налимов («Ж.М.Н.П.» 1909, № 4) считал этот «сжато-содержательный очерк грамматическим явлением». В то время как И. Ф. Анненский («Ж.М.Н.П.» 1909, № 6), будучи директором Царскосельской гимназии, дал резко-отрицательный отзыв, высказав мнение о недопустимости этого издания в библиотеки учебных заведений, поскольку оно резко отличается от другой литературы по этому же вопросу. П. Флоренский в своем отзыве на книгу А. Ветухова называл автора «специалистом по философии и психологии» и восхищался — «внутренне-правдивыми образами», которые сами «льнут к мысли».

6

[1] **«...по примеру Троянова брадобрея»**—

Герой сказки о Трояне. В народной поэзии славян Троян был типом правдивого царя. Образ Трояна встречается в одной из славянских редакций «Хождение Богородицы в рукописи XII в.». В скандинавской мифологии он тождественен с великаном и драконом. Нередко его причисляли к языческим божествам. О Трояне упоминается и в «Слово о полку Игореве» (см. *Афанасьев.* Поэтические воззрения славян на природу. М. 1868. Т. 2).

[2] **«Теория словесности во мне зрела...»**—

Имеется в виду книга А. Ветухова «Жизнь слова. Основы теории словесности для школы и самообразования». Х.1910.

В рецензии на книгу С. Казанский отмечал, что «книга уделяет внимание всем главным вопросам теории словесности», причем «все вопросы освещены ясно, точно, правильно». Указывалось и на «известную оригинальность» многих выражений и утверждений автора. Особенно интересным рецензенту представлялось стремление Ветухова представить все наличное разнообразие литературных видов «как бы живым организмом, части которого находятся в тесной внутренней связи между собой» (см. «Русский Фил. Вестник». Варшава, 1912. № 1. С. 53—54).

[3] **«...за отзыв в «Б.В.» примите горячее спасибо...»**—

Рецензия П. А. Флоренского на книгу «Начатки русской грамматики» (Х.1909) под названием «Новая книга по русской грамматике» была напечатана в «Богословском Вестнике», 1909, № 5. С. 138—145.

[4] К сожалению, ни фото А. Ветухова, ни фото Флоренского, которыми они обменялись, не обнаружены.

[5] **Троицкий Сергей Семенович** (1881—2.X.1910). Сын священника с. Толпыгина Нерехтского уезда Костромской губ. В 1903 году поступил в МДА. Был ближайшим другом П. А. Флоренского. Одно время они жили в одной келье. В 1906 году, будучи в гостях в родном селе Троицкого, Флоренский произнес проповедь «Храм Духа Святого» при освящении храма с. Толпыгина. В его вдохновенно-поэтическом слове была выражена мысль, бесконечно близкая и ему, и А. Ветухову: «Помните же, братия, что это вы — священный храм Божий. Как великолепное знамя, подымайте эту мысль в уме непрестанно, и она в корне истребит пороки: *«Сим победиши!»* (курс. П. Флоренского.— *С. Ш.*).

И заканчивалась проповедь словами: «Прибирая и омывая один храм, тем более, должны очистить другой храм; молясь в каменном доме, мы должны не забывать, что другой тем более является домом молитвы. И, приставляя стражей к одному, еще бережней надо охранять от хищения другой» (Журнал Московской Патриархии. 1986. № 5. С. 32).

С. С. Троицкий закончил Академию на год раньше Флоренского и получил приглашение в Тифлис, где работал учителем русского языка в 1-ой гимназии. 6 июля 1909 года вступил в брак с сестрой Павла Флоренского — Ольгой. Он был убит ненормальным учеником, и его трагическую смерть тяжело пережил Флоренский. В «Столпе и Утверждении Истины» ряд глав написаны как бы в живом диалоге с ним и обращение «Друг» можно встретить не один раз.

7

[1] **«...глубокое спасибо скажу Вам за Ваши „Корни идеализма“...» —**

Работа П. А. Флоренского «Общечеловеческие корни идеализма» была напечатана в «Богословском Вестнике» (1909, № 1—3). А затем она вышла отдельной брошюрой в том же году и представляла собой переработанный текст пробной лекции, прочитанной им 17 сентября 1908 года в МДА. В ней Флоренский проявил незаурядные специальные физиологические знания и способности при рассмотрении философских проблем. В этой работе он впервые ссылается на исследование А. В. Ветухова о «Заговорах». Он писал: «...хотя мне представляется не подходящим уснащать настоящую лекцию книжными справками, но должно сделать исключение для недавно вышедшей *замечательной по добросовестности* книги А. Ветухова „Заговоры“...» (курс. мой.— *С. Ш.*). И затем: «Тут читатель найдет обилие сырого материала и подробную, хотя и не окончательно-исчерпывающую библиографию. К крайнему сожалению, мне пришлось познакомиться с указанною книгою по прочтении своей лекции».

9

[1] **«Опыт современного жития...» —**

Очевидно, речь идет о замысле, который должен был представлять собой цикл статей. Фрагментом этого замысла является работа П. А. Флоренского о старце Исидоре. В жизни «аввы Исидора» он прослеживал то, как «святость преломляется в повседневности». Старец Исидор был духовным отцом Флоренского со времени его поступления в МДА.

Почти сразу же после смерти старца (он умер 3 февраля 1908 года) Павел Флоренский приступил к работе над «жизнеописанием» старца. Он писал: «Весь благодатный и благостью прекрасный,— он дал мне в жизни самое твердое, самое несомненное, самое чистое восприятие духовной личности».

Его «Сказание» — это попытка воскресить древний житийный жанр и одновременно с этим — это свидетельство глубокого интереса автора к народной душе и культуре.

Почти все разделы этой работы были напечатаны в журнале «Христианин» в 1908—1909 годы (1908, № 10—12, 1909, № 1, № 5).

Отдельный оттиск под названием «Соль земли» вышел в Сергиевом Посаде в 1909 году. Он заметно отличался от всего, что написано было Флоренским в это время.

Изучение «опыта современного жития» живо интересовало А. В. Ветухова.

[2] *«Журнал Министерства Народного Просвещения»* (1834—1916). СПб. Изд. ежемесячное. Изд. Департамента Народного Просвещения России с 1867 года включало, кроме правительственных распоряжений, отделы педагогики, критики, библиографии, современной летописи учебного процесса.

10

[1] П. Флоренский. «Соль земли, т. е. Сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским». С. П. 1909.

П. Флоренский. «Новая книга по русской грамматике» — Рец. на кн. А. Ветухова «Начатки русской грамматики».— Богословский Вестник, 1909. № 5. С. 138—145.

[2] А. В. Ветухов был членом попечительного совета по благоустройству школ для глухонемых в

Харькове и во всей Харьковской епархии. Он деятельным образом помогал в этом своему отцу — протоиерею Василию Ветухову, возглавлявшему это попечительство.

Более подробно о деятельности Ветуховых см. публикацию: С. Шоломова. «НетлІннІсть сущого» — ВІтчизна. 1992. № 10. С. 130—131.

[3] **«...заметку в местный журнал „Вера и Разум“...»** —

В «Листке для Харьковской Епархии» при богословско-философском журнале «Вера и Разум» (1899. Т. 3. Вып. 21. С. 578—583) был напечатан некролог. Автор указан не был. Ветухов напрасно сетовал, что редакция не сохранила название, т. к. в традициях этого издания существовало единообразие сообщений о кончине лиц духовного звания. Такого рода сообщения выносились в заглавие — «некрологи».

[4] **«Мин. Нар. Просв.»** — Министерство Народного Просвещения.

[5] «Ж. Мин. Нар. Просвещения» — Журнал Министерства Народного Просвещения.

См. прим. к п. № 9.

11

[1] *«...частушки...»* —

Речь идет о книге П. А. Флоренского «Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда». Кострома, 1910.

По мнению Флоренского, при исследовании народного творчества нельзя смотреть на народ «свысока». Наука обязана вникнуть в народную мудрость, идущую в своей целостности всегда впереди науки»,— писал он во вступлении. И это его суждение особенно сближает его с А. В. Ветуховым. Подготовка этого издания Флоренского во многом явилась результатом советов последнего.

[2] **«...примите мою горячую благодарность и за Маркова...»** —

Марков Алексей Васильевич (1877—1918) — этнограф, историк литературы, преподаватель Тифлисских высших женских курсов. Автор интересных работ, часть из которых печаталась на страницах «Богословского Вестника»: — Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении. Стихи об Егории храбром, об Адаме, о непрощаемом грехе и плаче земли. Лирический стих «Тебя я ради, Господи». Апокриф «Поучение против пьянства». Стихи о св. Пятнице и труженике о. Василии Кесарийском.— Богословский Вестник. 1910. № 3, 6, 7, 8.

Вопросы о подлинности церковных грамот, входящих в состав Новгородских летописей.— Богословский Вестник. 1911. № 6, 9, 10.

Книга «Поэзия Великого Новгорода» А. В. Маркова была напечатана в 1909 году в Харькове, а первая публикация была на страницах «Сборника Харьковского Историко-Филологического Общества» (т. 18).

Очевидно, П. А. Флоренский обратил внимание Ветухова на этого автора. Впоследствии А. В. Марков печатался и на страницах «Русского Филологического Вестника».

[3] **Сергей Семенович Троицкий** — состоял в переписке с Ветуховым. Скорей всего, их переписка началась по рекомендации Павла Флоренского. В архиве сохранилось два письма С. Троицкого (от 27 августа и 6 сентября 1909 года) — фонд А. В. Ветухова ЦНБ ХГУ.

27 августа 1909 года Троицкий писал в Харьков: «...если Павел бросит Академию, то это будет большая потеря. Жаль его и очень: трудно ему бороться...». Можно лишь догадываться — о каких борениях идет речь.

А 6 сентября Троицкий доверительно признавался: «...ужасно боюсь за Павла Александровича. Не знаю, что и творится с ним. Очень горюю об этом... я очень его люблю и порой тоскую много. Я привык духовно быть с ним вместе...». В 1909 году Флоренский гостил в Тифлисе у друга и, очевидно, предполагал по пути заехать в Харьков, чтобы лично познакомиться с Ветуховым. Однако эта поездка так и не состоялась.

14

[1] cuiopce suum (*лат.*) — каждому свое.

[2] ...«зреет теория словесности» —

А. Ветухов работал в это время над книгой, которую вскоре издал под названием «Жизнь слова. Основы теории словесности для школы и самообразования». Х. 1910.

[3] В. П. Мансикка был постоянным автором журнала «Этнографическое обозрение» и «Русского Филологического Вестника», тех же изданий, где печатался и А. Ветухов.

См. примечания к п. № 1.

[4] Быть может, речь идет о кн. С. Жихарева «К учению о месячных». СПб. 1896.

[5] Сборник Сведений о Кавказе. Изд. Стат. Комитета. Под ред. Зефлица. Тифлис, 1871—1886. Т. I—X. Т. X. Древнейшие сказания о Кавказе. 1881. Очевидно, П. Флоренский советовал А. В. Ветухову обратиться к этому изданию.

16

[1] Отзывы П. А. Флоренского на студенческие работы печатались в «Протоколах заседаний Совета Московской Духовной Академии», на страницах «Богословского Вестника», а также в «Сборнике заседаний Ученого Совета МДА». В настоящее время эти издания являются подлинной библиографической редкостью.

Нами составлен хронологический список отзывов П. А. Флоренского на кандидатские и студенческие сочинения студентов МДА, напечатанные в «Богословском Вестнике» с 1910 по 1916 год:

№ 1. 1910. На сочинение Сергея Наумова на тему «Культ Диониса в Греции».

№ 11. 1910. На сочинение Евгения Синадского на тему «Мистико-монистическая система философии Карла дю Преля и мистика христианских подвижников».

№ 3. 1911. На сочинение Сергея Рубинского на тему «Логика чистого познания и религиозная истина. Пан-методизм Когена и критика его».

№ 12. На сочинение Василия Гиацинтова на тему «Субъект трансцендентальный и субъект эмпирический».

№ 1. 1912. На сочинение Владимира Ильинского на тему «Природа человека по русским народным воззрениям».

№ 3. 1912. На сочинение Михаила Семенова на тему «Типы современных оккультических движений в России. Анализ и критическая их оценка».

№ 12. 1912. На сочинение Сергея Голованенко на тему «Проблема опыта. Опыт научный и общечеловеческий». Окончание отзыва — № 1. 1913.

№ 1. 1913. На сочинение Александра Даниловского на тему «История преподавания философских наук в духовно-учебных заведениях России».

№ 1. 1913. На сочинение Григория Епифановича на тему «Математические науки в русских духовных семинариях XIX века и желательная постановка их в настоящее время».

№ 1. 1913. На сочинение Михаила Курганского на тему «Природа в религиозном воззрении русского народа. Проблемы космологии и космогонии».

№ 4. 1913. На сочинение Ивана Успенского на тему «Философские воззрения Иннокентия, архиепископа Херсонского».

№ 4. 1913. На сочинение Соболева на тему «Религиозно-философское жизнепонимание Гёте».

№ 1. 1914. На сочинение Феодора Андреева на тему «Ю. Ф. Самарин как богослов и философ».

№ 1. 1914. На сочинение Алексея Архангельского на тему «Типы диссолюционных воззрений в церковной письменности и в светской науке».

№ 2. 1914. На сочинение Петра Иванова на тему «Психология религиозных обращений».

№ 5. 1915. На сочинение священника Левковского «Личная ответственность и социальная закономерность».

№ 5. 1915. На сочинение Константина Лилеева на тему «Историко-философская теория проф. Кареева. Роль личности в истории».

№ 6. 1915. На сочинение Алексея Паргочевского на тему «Вопросы социального характера в посланиях Св. Апостола Павла».

№ 3—4. 1916. На сочинение иеромонаха Варнавы (Беляева) на тему «Св. Варсонуфий. Его жизнь и учение».

№ 5. 1916. На сочинение Михаила Десятова «Пасторологический анализ русской изящной литературы последнего времени».

Очевидно, что в письме речь идет об отзыве на сочинение Наумова.

17

[1] **«...после такого длительного срока молчания...» —**

Как правило, в этот период их знакомства интервал между письмами редко превышал более месяца, однако в дальнейшем он будет доходить до 3-х месяцев, что всегда тревожило и А. В. Ветухова и лишало его внутреннего покоя.

[2] **«...Ваш разбор студенческой работы...»** —

См. примеч. к письму № 16.

Имеется в виду отзыв на сочинение студента Наумова о культе Диониса в Греции («Богословский Вестник». 1910. № 1. С. 257—272).

Отзывы П. Флоренского отличались предельной доброжелательностью и заинтересованностью. Рецензент стремился показать достоинства написанного и прежде всего указывал на перспективы развития темы в будущем.

[3] **Сумцов Николай Федорович** (1854—1922) — украинский фольклорист и этнограф, литературовед, член-корр. Петербургской Академии Наук (1905) и Академии Наук УССР (1919), воспитанник Харьковского университета, который окончил в 1875 году и с тех пор преподавал в нем. Автор более 800-т научных работ. Бессменный председатель Харьковского историко-филологического Общества. Он много сделал для развития Харьковской Общественной Библиотеки, ныне Государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко; участник практически всех начинаний харьковского Общества распространения в народе грамотности, особенно в организации бесплатных народных библиотек и читален. Его труды неизменно насыщены большим фактическим материалом, особенно по украинской письменности и фольклору:

— О свадебных обрядах. Х. 1881.

— Хлеб в обрядах и песнях. Х. 1885.

— Современная малорусская этнография. Ч. 1—2. Х. 1892. 1896 и др.

[4] **«Гулак-Артемовский...»**

А. В. Ветухов имел в виду Гулак-Артемовского Бориса Иосифовича, занимавшего должность секретаря Харьковского губернского присутствия.

18

[1] **«...черкните и Ваши мысли по поводу „Жизни слова“...»** —

А. В. надеялся на печатную рецензию на книгу «Жизнь слова. Основы теории словесности». Флоренский опубликует на нее отзыв в «Богословском Вестнике», но не свой, а С. А. Голованенко (см. об этом ниже).

[2] А. В. Ветухов. «Начатки русской грамматики. Синтаксис и этимология». Х. 1909.

19

[1] Текст этого письма Ветухова в сочетании с текстом сохранившегося письма П. А. Флоренского позволяет хотя бы частично представить напряженность их письменного диалога по тем вопросам, что волновали обоих.

22

[1] **«...пробыл недели две у брата...»**

Василий Васильевич Ветухов (1874— ?) — по образованию ветеринарный врач, жил в г. Гадяче Старобельского уезда.

[2] intima (*лат*) — внутренности

[3] εὔδοξοι (*греч*) — знаменитости

[4] **«...наговоримся, Бог даст, при свидании».**—

Личное знакомство Ветухова и Флоренского состоялось лишь в августе 1910 года. Дата (14 августа) установлена по автографу на книге П. Флоренского «В вечной лазури».

[5] **«частушек».**— Речь идет о книге Флоренского. См. примечания к письму № 23.

23

[1] *П. А. Флоренский.* Вопросы религиозного самопознания. С. П. 1907. Ранее эта работа была опубликована в журнале «Христианин».

[2] **«...костромские частушки...»** —

Речь идет о книге П. А. Флоренского «Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда». Кострома, 1910.

[3] **«...двух первых писем...» —**

Очевидно, имеются в виду две главы книги «Столп и Утверждение Истины», которая имела подзаголовок «Письма к другу». 1-е письмо — «Два мира». 2-е письмо — «Сомнение».

[4] В. М.— Василий Михайлович Гиацинтов. Родной брат жены П. А. Флоренского — Анны Михайловны Гиацинтовой. Можно предположить, что в Харьков вместе с Флоренским приезжал и Василий Михайлович, где и познакомился с Алексеем Ветуховым.

24

[1] **«Сергей Семенович...»—**

Речь идет о С. С. Троицком. См. примеч. к письму № 6.

[2] Ветухов имеет в виду широкоизвестные слова: «Пути Господни неисповедимы».

К письму была приклеена газетная вырезка из харьковской газеты «Южный край», где сообщалось о трагической смерти С. С. Троицкого.

25

[1] К. А. Смирнов поступил в Харьковский университет в 1906—1907 годы. Еще будучи студентом 3-го курса, в 1909 году он получил золотую медаль за сочинение «Метафизическое учение о душе у Лейбница и Гербарта», которое затем было напечатано отдельной брошюрой.

28 октября 1909 года Смирнов выступил на публичном заседании Историко-Филологического Общества при университете с докладом «Интуитивизм в знании», посвященном обсуждению книги философа Н. О. Лосского «Обоснование интуитивизма» (СПб, 1906). Доклад был в том же году напечатан в журнале «Вера и Разум». На страницах этого журнала в том же году была напечатана еще одна работа молодого начинающего ученого — это статья «Вехи» о русской революции.

16 апреля 1910 года «с благословения архиепископа Харьковского и Ахтырского Арсения» Константин Смирнов произнес в университетской церкви «слово пред плащаницей», причем «вечером в великую пятницу». Свою речь он назвал библейской строкой — «Ныне суд миру». В ней обращают на себя внимание выношенные мысли, которые, видимо, могли быть близки и самому Ветухову. «Действительное значение смерти Христа,— писал автор,— состоит в том, что она есть переход Его духовной вечной жизни в людей, нарождение в них Его Духа», причем все формы нравственного отношения к нему, начиная от вражды и до самой пламенной веры и благоговения, были уже определены в Его время и по сути своей длятся во времени. А заканчивал он утверждением связи человека с «Безусловным Началом» мира, когда «все точки жизненного круга должны соединяться с Ним равными лучами и только тогда является единство, цельность и согласие в жизни и сознании человека».

В 1911 году Смирнов вновь выступил на заседании Историко-Филологического Общества на тему «Религиозные воззрения кн. С. Н. Трубецкого».

Затем его следы в Харькове по публикациям не прослеживаются и только в 1914 году его фамилия включена в список студентов, окончивших университет. Однако не по филологическому, а по историческому отделению и вне указания темы кандидатского сочинения.

В 1912 году на страницах харьковского журнала «Мирный труд» он помещает рецензию на сочинения Василия Розанова — книги «Около церковных стен», «Темный лик», «Люди лунного света». Автор рецензии рассматривает проблемы взаимоотношений христианства и культуры на примере сочинений Вас. Розанова. Розанов «восторженно молится в храме природы» и «он зовет сюда всех, кто любит жизнь, кому дорога радость...». Примечательно, что рецензия была напечатана под своеобразным псевдонимом, который выбрал себе Смирнов — «Грот-Пещера».

Нами обнаружено уникальное издание, вышедшее в 1924 году тиражом всего 500 экземпляров, где на титульном листе приводятся следующие данные: Свящ.— магистр К. Смирнов. «Литургия». Реконструкция с введением и историческим комментарием. г. Лебедин. Материалы к предстоящему собору. 1924.— XII + 71 с.

Город Лебедин находился в Харьковской губернии, где оказался Смирнов спустя почти десятилетие после окончания университета и, судя по всему, получив духовное образование также.

В этом издании приведен список научных работ К. Смирнова. Помимо уже названных ранних его работ 1909—1911 годов приводятся и другие:

— «Н. А. Васильев и его закон исключенного четвертого». СПб, 1911.

— В темных религиозных лучах. Х. 1912.

— Имманентная философия христианства (СПб. «Р.М.» 1914).

— Апология или идеология? Доклад. (Церковный Вестник. 1916).

— Логика. Курс. Изд. Бр. Башмаковых, М., 1918.

— Письмо патриарху Тихону. О том, что есть и чего быть не должно и о том, чего нет и что быть должно. Л. 1922.

В списке подробнейшим образом представлены еще два раздела: «труды, печатание которых не окончено», и работы, которые подготовлены к печати.

Печатанием не окончены:

— Сущность христианства. Идеология христианства как религия нравственной свободы. Харьков.

— О времени и вневременном в связи с вопросом о бессмертии.

Гл. 1.Содержание понятия времени.

Гл. 2. Реальность и время.

Гл. 3. Теория восприятия времени.

Гл. 4. Вневременность и факты сознания.

Гл. 5. Время и закон причинности.

Гл. 6. Время и закон противоречия.

Гл. 7. Время, свобода воли и человеческое «я».

Богословский Вестник. 1918 (Диссертация).

Подготовлены к печати:

— Во что верил Христос? Публичная лекция.— Педагогика. Курс из трех лекций: задачи воспитания; объект воспитания; факторы воспитания.

— О свободе воли. Свобода как: данное, мыслимое, необходимое, возможное, действительное, заданное.

— Поэзия богослужебных книг Православной Церкви. Виды песнопений.

Гл. 1. Тропы и фигуры.

Гл. 2. Источники образов.

Гл. 3. Движения души.

Гл. 4. Авторы и эпохи.

Гл. 5. Литературные влияния. Теория богословской поэзии. Прилож.: Хрестоматия.

— Жития святых как литературный памятник.

Задача и место исследования. Материал исследования, его виды и история. Гл. 1. Текст. Гл. 2. Поза. Гл. 3. Трафарет. Гл. 4. История. Гл. 5. Чувство. Гл. 6. Мысль. Гл. 7. Вера. Гл. 8. Подвиг. Гл. 9. Идеал.

Религиозно-аскетическое значение житий.

Из списка явствует, что диссертацию К. А. Смирнов защитил в Сергиевом Посаде и его работа должна была появиться в «Богословском Вестнике» и не исключено, что оппонентом ее мог быть и П. А. Флоренский, которого так интересовали категории философии «Время» и «Вечность», которым он посвятил столько страниц в своем «Столпе».

Разыскания о дальнейшей судьбе свящ. К. А. Смирнова нами будут продолжены, а более полное раскрытие его личности и творческой биографии — предмет самостоятельного рассмотрения.

27

[1] «Дружба» — глава книги П. А. Флоренского «Столп и Утверждение Истины». Впервые эта глава была напечатана в «Богословском Вестнике» в 1911 году (№ 1, с. 151—182, № 3, с. 467—507). Отзыв на сочинение студента Рубинского был напечатан в Богословском Вестнике» (1911, № 3).

28

[1] Начиная с октября 1911 года Ветухов обращается к Флоренскому исключительно так. Это — первое его обращение, как к священнику. С этого письма меняется и интонационная направленность писем А. В. Ветухова.

[2] **«Ваша «София»...»** — глава книги «Столп и Утверждение Истины», которую епископ Феодор, как рецензент, посоветует Флоренскому исключить из рукописи магистерской диссертации.

Впервые эта глава была опубликована в «Богословском Вестнике» в 1911 году (№ 5, с.135—161), № 7—8, с. 582—613).

29

[1] **«...по личному впечатлению...»—**

Это позволяет предположить, что к этому времени Ветухов лично был уже знаком с супругой П. А. Флоренского, хотя в истории их взаимоотношений так и остается невыясненным, как часто имели место личные встречи между ними, а не только многолетняя переписка.

Надо полагать, что виделись они все же крайне редко и тем не менее характер отношений оставался достаточно близким.

[2] **«...«Безличные» мои залегли, так как проф. Грунский...»—**

Н. М. Грунский (1872—1951) — украинский советский лингвист, специалист по славяноведению, доктор славянской филологии с 1912 года, профессор с 1910 года, заслуженный деятель науки с 1941 года. В 1896 году окончил Харьковский университет. С 1903 по 1912 год — проф. Тартуского университета, а с 1915 года — преподаватель Киевского ун-та. Автор более 200 работ по славистике и истории отечественного языкознания. Ранние работы печатал, как и А. Ветухов, на страницах «Русского Филологического Вестника» в Варшаве. Основной его труд — его «Очерки из истории синтаксиса славянских языков» (1910).

В 1909 году А. Ветухов выпустил брошюру под названием «Библиографические заметки по книге проф. Н. Грунского «Лекции по педагогике» (1908). В 1910 г. Ветухов готовил статью о «безличных предложениях» для печати, однако вскоре на эту тему была выпущена работа Н. Грунского.

[3] **«...Ваш план поездки в Элладу...»**

Согласно отчету о состоянии дел в Московской Духовной Академии преподаватели имели возможность научных командировок за границу, однако поездка в Грецию, о которой так мечтал о. Павел, по каким-то неясным причинам так и не состоялась.

[4] Первенца Павла Флоренского назвали Василием (р. 21 мая 1911 — умер 5 апреля 1956). Первый сын был для отца Павла не просто долгожданным и желанным, но и своеобразным «живым напоминанием о переломе жизни» (по выражению игумена Андроника). В. П. Флоренский был педагогом, геологом, петрографом, исследователем глубинных слоев нефтегазоносных областей страны. После ареста отца он стал основным кормильцем большой семьи.

30

[1] **«...к родным в глушь...» —**

В Старобельском уезде жили дяди Алексея Ветухова, как по отцовской, так и по материнской линии.

В слободе Белокуракино священником был Михаил Ветухов, в слободе Алексеевка — Феодор Попов, а в самом уездном городе Старобельске законоучителем и священником был Гавриил Георгиевич Попов. Старобельский уезд считался самым отдаленным и глухим во всей Харьковской епархии и губернии.

[2] **«...наметил канву рецензии на «Синтакис» Овсянико-Куликовского и Сакулина...» —**

Д. Н. Овсянико-Куликовский (1853—1920) — русский литературовед и языковед, почетный член Петербургской Академии Наук (1907). Широко известны его работы о русских классиках XIX в., а также исследования по проблемам творчества. В 1885 году защитил в Харьковском университете диссертацию на звание магистра. С 1888 года преподавал в университете сравнительную грамматику индо-европейских языков.

П. Н. Сакулин (1868—1930) — русский литературовед.

Речь идет об издании: Практический курс синтаксиса русского языка. Для 3—4 классов средних учебных заведений. СПб., 1912.

[3] Очевидно, имеется в виду 3-я часть труда «Заговоры», над которой работал А. В. Ветухов на протяжении многих лет.

[4] А. В. Ветухов. Отчет о командировке на 1-й Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике. Х. 1912.

[5] О работе Педагогического Отдела Харьковского Историко-Филологического Общества А. В. Ветухов писал дважды:

— О деятельности Педагогического отдела ХИФО за первое десятилетие. Х. 1904.

— О деятельности Педагогического отделения ХИФО в последние годы. Х. 1912.

[6] 19 мая 1914 года состоялась публичное обсуждение и защита магистерской диссертации о. Павла «О духовной Истине». Официальными оппонентами были проф. С. С. Глаголев и и. д. доцента кафедры систематической философии и логики Ф. К. Андреев. Однако академическая наука МДА резко отрицательно отнеслась к труду отца Павла. В то же самое время в лице ректора МДА Флоренский имел большую поддержку.

На защите епископ Феодор сказал, что с книгой Флоренского Совет Академии «переживает затруднения»: с одной стороны, следовало бы присвоить звание не магистра, а доктора, но этого «по закону делать нельзя», с другой стороны, давать степень «несколько зазорно», т. к. эта книга во многом «опрокидывает академическую науку».

28 августа того же года Совет МДА утвердил Флоренского в звании экстраординарного профессора по кафедре истории философии и присвоил ученую степень магистра богословия.

[1] П. А. Флоренский. «Служба Софии Премудрости Божией». «Богословский вестник». 1912. № 2. С. 1—23. В том же году работа была издана в виде отдельного оттиска. Об отзывах П. А. Флоренского см. примечание к п. 16.

[2] Отзыв П. Флоренского на кандидатское сочинение М. Курганского на тему «Природа в религиозном воззрении русского народа. Проблема космологии и космогонии». «Богословский Вестник». 1913. № 1. С. 273—277.

32

[1] Список работ А. Ветухова, вышедших в печати до лета 1912 года, можно представить на основании документов его архива достаточно полно:

1. Народные колыбельные песни. Х. 1892.
2. Ян Амос Коменский. Х. 1893.
3. Говоры слобод Бахмутовка и Новой Айдары Старобельского уезда Харьковской губернии. Варшава, 1893.
4. Говор слободы Алексеевка Старобельского уезда Харьковской губернии. Варшава, 1893.
5. Антиох Дмитриевич Кантемир. Х. 1894.
6. Д. В. Аверкиев. «О драме». Х. 1894.
7. Язык, поэзия и наука. Х. 1895.
8. Основные вопросы литературной критики. Х. 1896.
9. Памяти Р. Каширенинова. Х. 1896.
10. Как возвращают глухонемым дар речи и слуха. Х. 1897.
11. А. А. Потебня. Варшава, 1898.
12. Пушкин — поэт мировой. Х. 1899.
13. О новой семантике М. Бреаяля. Х. 1899.
14. Философские вопросы при свете языка. Варшава, 1899.
15. Памяти Г. Шторха. Х. 1899.
16. Библиографическая заметка о книге Поленца «Крестьянин». Х. 1902.
17. Материалы предварительного Комитета XII Археологического съезда: О кобзарях и лирниках. О писанках. Х. 1902.
18. Труды Педагогического Общества, состоящего при Имп. Московском университете. Т. 1.Х. 1902.
19. О деятельности Педагогического Отдела Харьк. Историко-Филологического Общества за первое десятилетие. Х. 1904.
20. Из этнографических материалов по Харьковской губернии. Х. 1905.
21. Н. Ф. Сумцов как исследователь народного быта и культуры. Х. 1905.
22. Обзор рукописно-этнографического материала, доставленного Предварительному Комитету XII Археологического съезда. М., 1905.
23. Переводы Жуковского о постановке внеклассного чтения. Х. 1905.
24. Несколько замечаний о постановке внеклассного чтения. Х. 1905.
25. О взаимном доверии и взаимопомощи семьи и школы. Х. 1906.
26. И. А. Виноградов как администратор и педагог. Х. 1906.
27. Заметка «Математика и язык». Русский Филологический Вестник. Варшава, 1911. Кн. 2 и др. статьи в журналах.

Список отражает лишь отдельные книги и оттиски, вне библиографии журнальных выступлений А. В. Ветухова.

См. примеч к письму № 7.

№ 7, № 13, № 14, №20, № 21 по просьбе Флоренского были высланы раньше.

33

[1] **«...написать заметку о книге о. Соболева...»—**

Осенью 1912 года книга священника Соболева поступила в редакцию «Богословского Вестника» для отзыва. Очевидно, Павел Флоренский, ознакомившись с этим изданием, в одном из писем предложил Ветухову откликнуться рецензией.

А. Н. Соболев. Загробный мир по древне-русским представлениям. Литературно-исторический опыт исследования древне-русского народного миросозерцания. С. П. 1913. С. 208. *А. В. Ветухов*. «Заметки о книге Соболева «Загробный мир по древне-русским представлениям». «Богословский Вестник». 1913. № 1—2. Отдельный оттиск вышел в 1913 году в Сергиевом Посаде.

[2] **«посещал заседания съезда по семейному воспитанию...»—**

Свои впечатления о съезде А. В. Ветухов изложил в брошюре «Отчет о командировке на 1-й Всероссийский съезд по семейному воспитанию» (30.XII.— 6.01.1913)». СПб. Наброски, заметки и впечатления. X. 1913.

37

[1] **«книга Погодина «Язык как творчество»...»—**

В сборнике «Вопросы теории и психологии творчества» в 1913 году была напечатана работа ординарного профессора Харьковского университета «Язык как творчество. Происхождение языка» (X. Т. 4).

Александр Львович Погодин (р. 1872 — ?) был орд. профессором по кафедре истории западноевропейской литературы. Он — автор многих работ по языкознанию, истории и истории литературы. Назовем лишь несколько из них:

— Главные течения польской политической мысли. СПб, 1907.

— История Болгарии. СПб, 1910.

— Почему не говорят животные. К вопросу о происхождении языка. СПб, 1908.

— Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной. СПб, 1914.

— Зарубежная Русь. М., 1914.

— Краткий очерк истории славян. Изд. Лемана. 1914.

— На грани животного и человеческого.— В сб. Новые идеи в социологии. М., 1914.

— Славянские древности. Изд. Вольфа. Т. 1—2. 1914.

— Формы первобытной общественности в связи с мифотворчеством.— В сб. «Вопросы теории и психологии творчества». X. Т. 5.

А. Л. Погодин был постоянным сотрудником и публикатором журнала «Русский Филологический Вестник» с 1901 года, где были напечатаны его «Заметки по славянским древностям» и «Этимологические заметки».

«Вопросы теории и психологии творчества». Непериодическое издание. Под ред. Б. А. Лезина. X. 1907—1923. Всего вышло 8 выпусков.

[2] ergo (*лат.*) — итак.

[3] **«...закончили храм в честь Вознесения Господня...»—**

19 мая 1913 года в селе Клугиновка близ Чугуева в колонии для глухонемых детей был освящен выстроенный храм во имя Вознесения Господня. В газете «Харьковские губернские ведомости» (1913, 22 мая) была помещена заметка под названием «Светлое церковное торжество». Рассказ об этом примечательном событии заканчивался словами: «Честь и слава о. протоиерею Василию Ветухову, энергией и трудами своими соорудившему колонию и закончившему великое и святое дело призрения несчастных детей светлым и радостным событием».

[4] **«...приват-доцент Е. Г. Кагаров...»—**

Егор Георгиевич Кагаров (1882—1942) — ученый-археолог, историк, специалист по эллинской

культуре, филолог. С 1912 по 1925 год жил и работал в Харькове, занимаясь педагогической деятельностью в Харьковском университете. В 1914 году Кагаров был назначен и. д. экстраординарным профессором по кафедре классической филологии. Переписка П. А. Флоренского и Е. Г. Кагарова сохранилась частично, а вернее — лишь письма самого Кагарова. Ее анализ — предмет самостоятельного исследования.

38

[1] **«...горячее спасибо за «Апологию веры»...»—**

Имеется в виду издание: Антоний (Булатович), иеромонах. Апология веры во имя Божие, и во имя Иисуса. М., 1913.

Предисловие «от редакции» было написано П. Флоренским.

39

[1] **«...что касается Бодуэн де Куртене...»—**

Бодуэн де Куртене Иван Александрович (1845—1929) — русский и польский языковед, член-корреспондент Петербургской Академии Наук (1897). Оказал большое влияние на развитие общего языкознания. Им был отредактирован и дополнен «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. 3-е изд. 1903—1909). Он был одним из первых, кто выдвинул на первый план принцип изучения живого человеческого языка, считая, что жизнь и законы языка бросают яркий свет на его прошлое. При изучении и рассмотрении психологических сторон развития языка ученый употреблял и вводил многие сокращенные формы. Эти словесные формулы многим казались неудобными и недопустимыми.

[2] **«...его порча Далевского словаря — такой грех...»—**

А. Ветухов был достаточно категоричен в своих суждениях и не принял кардинальной правки «Толкового словаря» Даля. И в этом он был не одинок среди языковедов и славистов.

[3] **«Погодина потихоньку почитываю...»** См. примечания к письму № 37. П. А. Флоренский предложил Ветухову написать для «Богословского Вестника» развернутую рецензию на новое сочинение ученого.

40

[1] **«у своего дядюшки — одинокого священника...»—**

Скорей всего, речь идет о священнике Петре Михайловиче Ветухове, который жил в слободе Бахмутовка Старобельского уезда.

Однако согласно сведениям по харьковской епархии, в Старобельском уезде проживали и другие родные Алексея Васильевича Ветухова и, в частности,— священник Ветухов Михаил (сл. Новой Айдары), а также священник Гавриил Попов, родной брат матери. См. Харьковский календарь. Изд. Харьк. губ. стат. Комитет. Х. 1913.

[2] **«...по примеру предыдущей...»—**

Имеется в виду, очевидно, оттиск А. В. Ветухова «Заметки о книге о. Соболева «Загробный мир по древне-русским представлениям», отпечатанный в Сергиевом Посаде в 1913 году.

41

[1] Е. Г. Кагаров. См. примечание к письму № 38.

[2] Имеется в виду книга А. Ветухова «Прошлое родного языка и основы строения слова и речи». Х. 1913.

[3] «М.Н.П.» — Министерство Народного Просвещения.

Окончание следует

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 12 1995

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

МОСКВА *Институт философии РАН* «НАУКА»

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Ахиезер — Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) 3
В. Г. Федотова — Судьба России в зеркале методологии 21

Философия Карла Поппера

Н. Ф. Овчинников — Об интеллектуальной биографии Поппера 35
К. Поппер — Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа 39
Ю. В. Чайковский — Об эволюционных взглядах Карла Поппера 50
Н. С. Розов — Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера 55
М. Ноттурно — Критика К. Поппером научного социализма, или Р. Карнап и его сотрудники 70

Философия, культура, наука

К. М. Кантор — Немецкая идеология Маркса — Энгельса и русский марксизм 88
Т. Кушнер — Структурные сходства — основа дескриптивных коррелятов в различных типах искусства 109
М. Г. Ярошевский — Социальные и психологические координаты научного творчества 118

Из истории отечественной философской мысли

Письма П. А. Флоренского А. В. Ветухову 128
Л. А. Коган — Кто он — герценовский «химик»? 133

© Российская академия наук
Президиум, 1995 г.

Письма П. А. Флоренского А. В. Ветухову (1910)

1

1910, 9 апреля Сергиев Посад

Дорогой Алексей Васильевич!

«Генрих Шлиман [1] был дилетантом. Но его раскопки имеют, как известно, огромное значение в науке e.t.c.» Эта фраза молодого ученого Е. Г. Кагарова (Гермес, 1909, № 17) [2] заставила меня подумать: если Шлиман, всю жизнь посвятивший изучению Трои, перечитавший и чуть ни наизусть выучивший все, что только можно было выучить, и прямыми раскопками подтвердивший свои энтузиастические воззрения,— если он — дилетант, а Е. Кагаров, выпустивший несколько компилятивных статеек,— ученый, то не доказывается ли этим ненужность титула «ученый», его условный и пережиточный характер?

Не являются ли «научные» теории не чем иным, как теориями тех же Шлиманов, но только лишенными вдохновения, обезличенными и отставшими от духовной действительности.

30 лет тому назад Шлиман был величиною «ненаучной». Но теперь, когда пользуются его взглядами (во всем существенном), но не имеют его вдохновения и жара,— эти взгляды оказываются «научными» и объявляются, что Шлиман до них не дорос. Эти (вот?) мысли,— на которых я заснул, по пробуждении вызвали во мне желание, наконец-то, ответить Вам (в сумбурно-сбивчивых словах) на Ваш старый уже вопрос, в чем же, по-моему, должно быть новое направление в деле изучения религии [3].

Первая, методологическая характеристика этого направления, как и всякого, должна быть моральная. В основу изучения религии должно быть положено *живое* убеждение, что если люди жили, страдали и радовались чему-то, то a priori [4] должно быть положено, что это «что-то» имело какой-то смысл и что задача изучения — именно в уразумении этого *смысла* религиозной ценности («святыни»). Иными словами, поскольку всякая наука зиждется на постулатах, постольку и наука о религии полагает в основу постулат о конкретной (т. е. в жизни раскрывающейся) ценности человеческой личности,— об образе Божием в человеке. Или, еще иными словами,— убеждение, «что всегда и в целом мире человек был человеком, а не «скотом» (впрочем, быть может, и животные не подойдут под эту «научную» категорию).

Это «основоположение» науки о религии имеет своею задачею вытеснить основоположение, бессознательно или сознательно усвоенное господствующими теориями, а именно: «всякий человек — скот (кроме меня, автора такой-то работы)». «Человек всегда и везде

Окончание. Начало см.: «Вопросы философии», 1995, № 11.

был скотом» и еще: «Вот, друг мой, Иванушка,... e.ct.» (М-ме Простакова), хотя и в шутливой форме, но я, дорогой мой Алексей Васильевич, серьезно высказываю свое убеждение, что эта предпосылка, какими бы пышно научными одеяниями она ни облекала себя — действительно (далее в оригинале зачеркнуто — «стоит».— *С.Ш.*) положена во главу угла научной теории, вопреки всем крикливым лозунгам о «равноправиях» и том или ином числе «свобод»...

2

1910, 11 апреля. Вербное воскресение.

Чтобы понять религиозную душу известного народа известной эпохи необходимо прежде всего по-человечески отнестись к этому народу, к его суждениям о себе, то есть доверять его словам. Тем самым устанавливается *второй* принцип науки о религии, а именно не переходить из области *религиозных* фактов в область трансцендентную для религии (не аллегоризовать); иными словами, должно религиозный факт принимать и изучать как величину именно религиозную, как величину (sui generis) [5], несводимую к инородным величинам. В этом смысле можно сказать, что наука о религии должна оставить догматическую точку зрения, согласно которой есть и может быть найдена некая «сущность религии» (то есть величина инородная, не-религиозная, религию якобы объясняющая) и поставить себе критический вопрос: «Может ли быть найдена эта «сущность»?

Опыт истории уже показал, как бесплодны, фантастичны и противоречивы попытки отыскать эту «сущность» религии: теоретическое исследование устанавливает, что иначе и быть не может.

И отсюда возникает уже упомянутый *второй* принцип науки о религии, а именно: **изучать религию, как религию,** а не как замаскированное естествознание, или политику, или мораль и так далее.

Но как же именно изучать религию, как религию? На это ответ, полагаю, должен быть такой: «*религиозно*». В этом лаконичном ответе содержится *третий* принцип науки, который можно охарактеризовать как принцип *сравнительного* изучения, но не внешне сравнительного, а внутренне-сравнительного.

Из области личных переживаний, из конгениальности религиозной только и может быть почерпаем материал для «объяснения», или точнее сказать, для истолкования, для вос-построения религиозных явлений древности. Но спрашивается, как же именно достигнуть яркости и отчетливости таковых переживаний?

На это отвечает *четвертый* принцип: «аскетически», то есть практически, практикою для изучения явлений религиозной жизни. Во-первых, должно приобрести через аскезу, **общую** чуткость к религиозным явлениям вообще, а во-вторых, соответственной обстановкой и отчасти жизнью должно развить в себе специальные восприятия данного круга религиозных явлений...

Позволю себе несколько самонадеянно заявить, что большинство книг о религии напоминает известное народное присловие о сладости гусиных лапок. И, странное дело, в то время, как был осмеян всякий физик, не видевший тех опытов, которые он описывает, исследователи религии сплошь и рядом безнаказанно могут обнаруживать, что они и кончиком мизинца не трогали тех явлений, о которых развязно рассуждают; а ведь при тонкости и неуловимости религиозных движений души, их лично воспринять бесконечно важнее, нежели грубые и легко учитываемые явления физического мира.

Ну и так далее — на эту тему можно писать без конца, но думаю, что в основных чертах ответил на Ваш вопрос.

Мне трудно выразить, насколько я признателен Вам, дорогой Алексей Васильевич, за Ваше доброе ко мне отношение. Письмо получил. Завален работой — студенческими семестровыми сочинениями, печатанием, подготовкой книги об архимандрите Серапионе Машкине и его философии [6] и еще другими намечающимися литературными делишками.

Господь да хранит Вас.

Любящий Вас Павел Флоренский.

3

1910, 15 апреля. Великий четверг. Ночь.

Христос Воскресе, дорогой Алексей Васильевич, так как я не надеюсь успеть написать еще раз до Пасхи, то поздравляю Вас с «торжеством из торжеств» в этом, столь запоздалом письме и желаю радости, мира и тишины.

Любящий Вас Павел Флоренский.

Сергиев Посад.

4

1910, 15 июля.

Дорогой Алексей Васильевич,

Чуть ли не каждый день с любовью вспоминаю о Вас и с раскаянием думаю, что опять не написал письма. Вы, вероятно, и сами знаете, что за жизнь в деревне, да еще в качестве гостя. Быть гостем в деревне это значит быть обреченным на безделие. Так и я: провожу весь день, не имея ни минуты свободной: а если спросишь себя, что же делал, то не знаешь, что ответить. Вы сами знаете, что праздноемкость у нас, русских, весьма велика, а от гостя в деревне и по положению, и по этикету требуется праздноемкость максимальная.

Правда, я *думаю*,— много и упорно. Но, кажется, все эти думы бесплодны. Думаю, что все те отношения между людьми, которые окружают нас, невозможны; что примириться с ними — нет сил, если бы даже явилось желание, что есть какой-то выход. Но как подойти к нему,— практически,— не вижу, не знаю. Но ощущение все время такое, словно живешь в безвоздушном пространстве: задыхаешься, хотя я должен прямо сказать, что окружающие меня, теперь как и раньше, люди хорошие, внимательные, простые, и вообще, с точки зрения «действительности», не оставляют желать ничего. Все то, что думается нам о науке, быть может, думается всуе, и вот почему: наука, несомненно, есть только грань, поверхность жизни, и она не может быть иной, нежели вся глубина жизни.

Говорить о «настоящей» науке нельзя до тех пор, пока не будет «настоящей» жизни: ведь каждое общество достойно своей науки. И если у нас царит в обществе «профессорская» наука, то это — поделом обществу: кто сеет ветер, тот пожинает бурю.

Но если Вы позволите,— чтобы отвести душу, пофантазировать немного, то я опишу, что за строй «ученой коллегии» рисуется мне. Это— общинка, в которой жизнь не отделяется от науки, а наука — от воспитания; это — нечто такое, в чем нет «дифференциации и специализации», а есть просто яркое выражение индивидуальных темпераментов, интересов и способностей. Во главе общинки стоят пресвитеры, «посвященные». Около них ряд концентрических кругов слушателей, воспитываемых, до детишек включительно. Все они присматриваются, как делают свою работу старшие, по мере сил своих участвуют в ней; вся община захвачена одним интересом, работает сообща, и вместе с тем она ведет свое хозяйство и вообще поддерживает свое существование собственными силами.

Только сама жизнь в каждый данный момент показывает, чем и как нужно заниматься. Единым двигателем всех служит духовная жизнь, в разной мере и в разных степенях достигаемая членами общины.

Одним словом, это — не то монастырь (не исключающий семейной жизни), не то — пифагорейский союз, не то группа средневековых учеников возле мастера...

Вот, не успеваю окончить письмо: сейчас «оказия» в почтовое отделение, а когда дождешься второй — кто знает.

Мой адрес пока будет: станция Желобово. Сызрано-Вяземской ж/д., село Кутловы Борки, В. М. Гиацинтову, для передачи мне (но писем не посылайте заказных). Все-таки я надеюсь, если будет малейшая возможность в средних числах (а может быть, и ранее) августа, приехать к Вам. Мне очень хочется видеть Вас и только сложные (нравственного порядка) обстоятельства мешают мне уехать [7].

Любящий Вас Павел Флоренский.

Село Троицкое Рязанской губернии.
Не знаю, послал ли я Вам «частушки» и другие брошюры [8].

Комментарии

[1] **Генрих Шлиман** (1822—1890) — известный немецкий археолог. Открыл местонахождение древней Трои и раскопал ее. Сын протестантского пастора, был археологом-самоучкой. Шлиман с детства мечтал об открытии следов гомеровской Трои, в существование которой непоколебимо верил. Только осенью 1871 года, почти накануне 50-летия, начал раскопки в Греции. В 1881 году он издал обширнейший труд, где обобщил результаты многолетних разысканий. Именно им была открыта ранее не известная почти тысячелетняя эпоха в истории Древней Греции.

Знаток античного мира, профессор Харьковского университета, русский и украинский историк В. П. Бузескул (1858—1931) писал о Шлимане: «В смысле научного материала его находки и открытия являются неоценимым сокровищем, если даже отвергнуть его выводы и толкования, как подчас фантастические результаты его увлечения Гомером» (См. «Энциклопедический Словарь» Брокгауза. СПб. Т. 78. 1908. С. 703).

Последняя фраза носит легкий оттенок снисходительного признания научных заслуг ученого-самоучки, и такая позиция часто встречалась в научных кругах. Нельзя не обратить внимания и на другую мысль Бузескула: «Сочинениями Шлимана надо пользоваться с некоторою осторожностью: несмотря на свои великие открытия, Шлиман был все же дилетантом, без надлежащей подготовки и при этом великий энтузиаст, веривший в действительность всего того, что повествует и описывает поэт».

В. П. Бузескул был коллегой Е. Г. Кагарова по Харьковскому университету, и можно считать, что суждения последнего были как бы вторичны.

В данном случае Флоренский был не согласен не только с характеристикой Шлимана, высказанной Кагаровым, но и Бузескулом, на чьи труды он несколько раз ссылается в своих работах. Если подходить к данному вопросу шире, то речь идет о неприятии П. Флоренским снобизма и чувства кастовости и мнимого превосходства, свойственных целому клану современных ученых, для которых такое понятие, как «вдохновение», было едва ли приемлемо.

В монографии Г. Штола, посвященной Шлиману (см. «Мечта о Трое». М., 1965), приводится фрагмент одного из некрологов об ученом: «Чтобы с ним не случалось, он (Шлиман,— *С.Ш.*) всегда оставался верен самому себе и единственной заботой его было стремление к более глубокому познанию Истины». Это как-то естественно раскрывает психологию сближений духовных при всем различии научных и творческих индивидуальностей в ряду: Шлиман — Флоренский — Ветухов.

[2] **«Гермес»** — иллюстрированный «научно-популярный вестник» античного мира. Спб. (1907—1916).

Е. Г. Кагаров неоднократно печатал свои обзоры, рецензии и заметки в этом вестнике. В № 17 за 1909 год, на который ссылается Флоренский, Кагаров напечатал обзор «О новейших исследованиях в области крито-микенской культуры». В 1910 году этот обзор был напечатан отдельной брошюрой. В своей статье «Пращуры любомудрия» Флоренский ссылается именно на эту работу харьковского ученого. Одновременно с этим он ссылается на более раннюю по времени написания работу Кагарова — «Этюды о истории греческой религии. Современные направления в области сравнительной мифологии» (Воронеж, 1905).

[3] **«...на Ваш старый уже вопрос, в чем же по-моему, должно быть новое направление в деле изучения религии...»**

Этот вопрос живо волновал их обоих, но не сохранилось то письмо, в котором бы А. Ветухов непосредственно об этом спрашивал П. А. Флоренского, тем более что их знакомство все еще к этому времени было лишь письменным.

[4] a priori (*лат.*)— до опыта.

[5] sui generis (*лат.*)— в частности.

[6] **«...подготовки книги об архимандрите Серапионе Машкине и его философии...»**—

В примечаниях ко второй главе «Столпа и Утверждения Истины» автор писал: «Не могу не выразить своей радости, что большую часть мыслей письма 2-го, отчасти 3 и 4, я могу опереться на авторитет архимандрита Серапиона Машкина. В излагаемом тут виде очень многие идеи взяты из его рукописей — но *какие* (курсив *П. Ф.*) именно — пусть читатель, интересующийся вопросами идейной собственности, сам определит, когда появятся в свет подлинные сочинения о. Серапиона. Что до меня, то мысли покойного философа и мои оказались настолько сродными и срастающимися друг с другом, что я уже не знаю, где кончается «серапионовское», где начинается «мое», тем более, что общность наших отправных точек и знаний неизбежно вызывала однородность и дальнейших выводов».

По поводу подготавливаемой к печати книги он делился с читателем: «И внешние условия издательства, и обработка текста для печати представляют собой немалые затруднения. До того же времени я надеюсь выпустить в свет монографию об о. Серапионе, т. е. системе изложения его воззрений и его биографию».

Надо полагать, что эти строки написаны почти в то же самое время, что и письмо об этом в Харьков. Флоренский убежденно писал: «Такая монография и необходима, потому что непосредственное чтение

сочинений о. Серапиона едва ли окажется под силу многим из тех, кто мог бы живо заинтересоваться его взглядами...»

До этого года у Флоренского была уже опубликована одна работа о Серапионе Машкине в сборнике «Вопросы религии», касаясь этого вопроса, он отмечал: «...статья написана до того времени, когда автор мог более основательно вникнуть в жизнь и личность о. Серапиона и потому многое в характеристике о. Серапиона теперь было бы представлено иначе...» Судя по ответам А. В. Ветухова Флоренский неоднократно в своих письмах делился с ним тем, как идет его работа над книгой о Серапионе.

7 **«...только сложные (нравственного порядка) обстоятельства...»—**

Имеется в виду предстоящие венчание и свадьба П. Флоренского. 25 августа 1910 года Флоренский обвенчался с родной сестрой В. М. Гиацинтова — Анной Михайловной (1889—1973). Венчал их священник Михаил Гиацинтов (тоже брат Анны Михайловны).

По поводу этого события Флоренский доверительно писал Василию Розанову: «...свадьбу пришлось отложить на две недели, т. к. был пост. Венчались мы 25-го в сельской церкви, у брата моей невесты. По моей просьбе почти никого на свадьбе не было, и мне было ясно, что венчаться — таинство. Так что теперь никакие споры не убедят меня в противном» (см. *П. Флоренский*. У водоразделов мысли. Новосибирск, 1991. С. 14).

Брак оказался счастливым. А. М. Гиацинтова в их совместной жизни была ему надеждой и опорой. Она вырастила пятерых детей в страшное время войн и двух революций, разрухи и голода, в непрекращающемся насилии над личностью, в сознании всей бессрочности их разлуки. В обстановке клеветы и разнузданных поношений имени Флоренского она сумела детям передать чувство любви и глубокого почитания к личности их отца. Она была несокрушимо убеждена в высокой значимости всего, что связано с его делом и словом.

Слабым отзвуком этого мучительного семейного счастья являются письма Павла Флоренского с Соловков, исполненные любви и скрытого волнения и тревоги за судьбу жены и детей.

В сентябре 1935 года он написал ей: «...о дне свадьбы я помнил, но ошибался в счете числа лет. Мне тяжело, дорогая, что ты все неспокойна, что-то придумываешь и напрасно мучишь себя. Хлопотать не для чего, приезжать было нельзя...» (см. Знамя, 1991. № 7).

8 **«...«частушки» и другие брошюры...»—**

П. Флоренский. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1910.

О каких именно «других брошюрах» идет речь — не установлено. В архиве А. Ветухова их обнаружить не удалось.